

КРОКДИ

№13

1980

ISSN 0130-2671

— Пожалуйста, распишитесь!

Рисунок Б. САВКОВА

Иван СЕМЕНОВ,
офицер запаса ВМФ,
народный художник СССР

НЕЗАБУДКИ

В Японии растет небольшая травка с мелкими цветочками. В переводе на русский язык ее название звучит так: «позабудь». У нас схожие с этими цветы называются «незабудки».

Всегда грустно заниматься воспоминаниями. Особенно когда в прошлом много тяжелого, драматичного. Но если в памяти хранятся хотя бы маленькие цветы улыбок, они, эти «незабудки», как-то скрашивают самые невеселые воспоминания.

Я не стану вспоминать суровые дни и ночи войны, их хватало, этих дней

и ночей, с лихвой. Хочется вспомнить нечто иное, что тоже было на войне.

Честно говоря, смешного в войне мало.

В те тяжкие годы по долгу службы мне пришлось бывать на всех действующих флотах. Рисовать карикатуры в боевой обстановке — дело не простое. Однако альбом для карандашных набросков и блокнот для записей всегда лежали в полевой сумке.

Вот они, несколько «незабудок» тех, далеких уже теперь дней.

По морям — по волнам

Квакенбург — так военные моряки в шутку окрестили во время войны город Потти. Дело в том, что по вечерам город наполнялся невероятными лягушачьими концертами. Число их участников, заполонивших все уличные кюветы с водой, наверняка выражалось шестизначными цифрами, если бы кто-нибудь взялся их пересчитать.

Однако на палубах боевых кораблей проходили и настоящие концерты приезжавших на флот артистов — музыкантов, певцов, танцоров, которых моряки всегда встречали с радостью...

Случилось это под Новороссийском в последних числах июня. Положение в Севастополе было серьезным. Произошел первый налет на Новороссийск. По ночам мы барражировали в море на катере-охотнике, охраняя подступы с моря к Новороссийскому порту, а днем отставались под берегом у Мысхако. Запомнилась необычная фамилия командира катера — старший лейтенант Калишок-Михно. Она почему-то напоминала фамилию любимого мною со школьных лет знаменитого русского ученого и путешественника Миклухо-Маклая.

Под вечер мы отошли уже от берега. Море штормило. Неожиданно вахтенный доложил: вдоль берега тихим ходом идет открытый катер, которого, по нашим данным, здесь не должно быть. На сигналы — застопорить ход — катер не отвечал. Тогда командир Калишок-Михно приказал дать предупредительный выстрел из нашей небольшой пушки и положить снаряд по курсу хода катера. Это его остановило.

Когда подошли ближе, увидели: у штурвала стоял испуганный паренек лет пятнадцати, а на катере, свесив головы за борт, сидела какая-то разношерстная публика. На нас глядели безучастные ко всему происходящему глаза, в которых застыло сплошное безразличие: «А нам все равно».

С легким паром!

У писателя Леонида Максимовича Леонова есть увлечение — он собирает различные суждения о бане. Его альбом, который он мне показывал, состоит из рукописных текстов и оригиналов рисунков, сделанных авторами в разное время специально для этого альбома. Здесь и шутивно-философское рассуждение о бане А. М. Горького,

мысли о ней А. Н. Толстого и взгляды на баню Поля Вайяна-Кутюрье и Ильи Эренбурга, а также других писателей и поэтов. В стихах и в прозе.

В альбоме есть рисунки Пикассо, Сергея и Александра Герасимовых и других художников, включая смешные рисунки наших карикатуристов. И все о бане. А какой русский не любит бани!

Черноморский флот, командир дивизиона подводных лодок капитан-лейтенант А. ГУЗ.

— Мать честная, — узнал кто-то из краснофлотцев, — это же артисты!

Действительно, это были участники какого-то ансамбля — то ли песни, то ли пляски. В тот момент им было не до песен, а пляска на волнах вытрясла из них и самую душу. Жалко было на них смотреть, но и трудно сдерживать улыбку. Посочувствовав, мы отпустили их на дальнейшие мучения, и катер, прыгая по волнам, скрылся из глаз.

— Мореплаватели, — глядя вслед артистам, улыбнулся наш Миклухо-Маклай...

Во время войны мытье, или, как его тогда еще называли, помывка, а еще точнее — санобработка, проходило исключительно в приказном порядке. Никакой самодеятельности. Мне доводилось участвовать в этой обработке, увы, многократно.

В первой половине июля 1942 года я возвращался с Черного моря в Москву. Через родной мой Ростов путь был закрыт. Остался такой маршрут: Баку — Астрахань парохомом, а дальше — поездом через Саратов. Пароход из Баку отходил один раз в трое суток. Попасть на него можно было, только если на руках у тебя справка, что ты прошел санобработку. Толпа в бакинскую баню — тысячная, а пароход в очередной рейс уходил вечером. Что делать?

Вместе со случайным попутчиком — общевоинским капитаном — мы стали обсуждать создавшуюся обстановку.

— Атаковать противника с фронта и с флангов не представляется возможным ввиду его явного превосходства, — констатировал пехотинец.

— Да, — согласился я, еще раз обзрев плотные шеренги «очередников», — на abordаж их не возьмешь. — И высказал предложение: — А что если зайти к противнику в тыл?

— Согласен, — одобрил мою идею капитан.

Дверь, в которую выходили из бани, располагалась с другой стороны, туда мы и двинулись. Но у врат сидела на страже древняя старушка. Уговорить

Подводные лодки в Новороссийской бухте. 1942 г.

этого «стража» не составило для нас труда: воинская смекалка помогла нам не только получить желанную справку, но и отлично помыться.

В тот же вечер, чистенькие, как огурчики, мы восседали на переполненной палубе парохода...

Я сдаюсь в плен

У поселка Ваенга, что прилег на берегу бухты Кольского залива, была стоянка эсминцев Северного флота. Вся стоянка — один-единственный деревянный причал, который до войны, видимо, служил рыбацким сейнерам. У причала стоял эсминец «Грозный», только что вернувшийся из Баренцева моря, где он встречал и сопровождал караван англо-американских транспортов, оберегая их от фашистских подводных лодок и самолетов.

Шла вторая половина мая 1943 года. Снежные заряды по несколько раз в день застилали землю, а снег тут же таял. Метрах в двухстах от стоянки корабля в глубину бухты вели остатки железных мостков с кое-где сохранившимися прогнившими досками. Еще находясь на эсминце, я решил нарисовать корабль, вернувшийся из похода. Он хорошо смотрелся со стороны бухты на фоне невысоких, покрытых снегом сопок.

Балансируя по остаткам мостков, с трудом добрался до самых последних досок и пристроился со своим альбомом.

Капитан-лейтенант П. ЗУБКО. 1943 г.

мом. Рисуя, краем глаза заметил двух девушек. Судя по полушубкам, сапогам и морским черным ушанкам с «крабами», это были зенитчицы.

Девушки стояли у мостков и неотрывно смотрели в мою сторону. Затем, поддерживая друг друга, чтобы не свалиться в ледяную воду, начали пробираться ко мне и стали за моей спиной, молча наблюдая за тем, что я делаю.

Вначале мне показалось, что это — обыкновенное любопытство с их стороны. Но вот, видимо, старшая, с немалой долей суровости в голосе, игнорируя мое воинское звание, задала прямой вопрос:

— Почему в запретной зоне рисуете военные боевые корабли?

— Видите ли, — в тон ей, серьезно ответил я, — мне кажется, что военный корабль очень красиво смотрится у причала именно с этой точки.

Однако это объяснение их не удовлетворило.

— Пройдемте в часть для выяснения личности, — было предложено мне тоном, не допускающим возражений.

Я понял, что дальше шутить небезопасно. В самом деле, мало ли кому вздумается надеть на себя офицерскую форму и спокойно рисовать военные объекты. Тем более что линия фронта проходила не так уж далеко: в районе залива Ура-Губа. Серьезные бои шли на полуострове Рыбачьем.

— Хорошо, — сказал я, — вот только закончу рисунок и с удовольствием с вами пойду, куда прикажете.

Минут через десять мы гусяком двинулись к берегу. От моей помощи, когда мы пробирались по шатким дощечкам, они наотрез отказались. На берегу я им сказал:

— Думаю, нам незачем тащиться в часть, пойдемте лучше на корабль и там все выясним. Вот он, совсем рядом.

Девушки согласились. Первым поднимаясь по трапу, я встретил командира БЧ-5 П. Зубко. Мы поприветствовали друг друга. И девушки-зенитчицы все поняли. На корабль они не пошли, да их туда бы и не пустил вахтенный матрос.

— Что за красавицы тебя сопровождали? — спросил Зубко.

Я ему рассказал.

— Заливаешь, политрук, — подмиг-

нул Зубко,— дивчины решили с тобой познакомиться, а ты позорно от них драпанул.

А я смотрел вслед моим прелестным

конвоирам и думал: «Милые девушки, в следующий раз я непременно сдамся вам в плен. А сейчас, извините, некогда — уходим в море»...

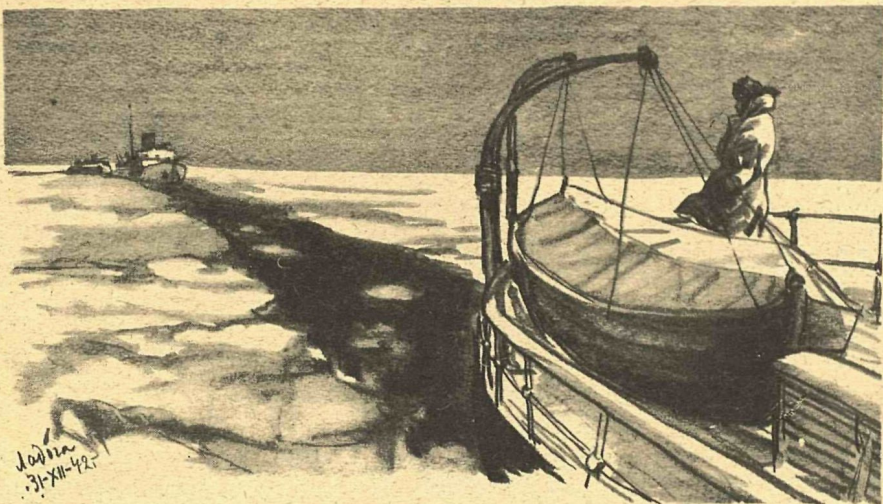
Подарок Деда Мороза

В декабре 1942 года на Ладоге особенно больших морозов не было. Озеро еще окончательно не стало, лед только узкой кромкой окаймлял берега. Вечером тридцатого декабря вышли из Кобоны на канонерской лодке «Шексна» с грузом для блокированного Ленинграда. По нашим расчетам, в течение ночи мы должны были прийти в Осиновец — это на западном берегу Ладоги. Южный берег занимали фашисты.

Неожиданно ударил сильный мороз, и час от часу он становился все креп-

че. На пути появился лед, подул встречный ветер, кораблю стало трудно идти. Забрестило утро, а мы были еще далеко от Осиновца. Все ждали появления вражеских самолетов, но на этот раз обошлось: помогла низкая облачность. Только к вечеру тридцать первого пробилась к Осиновцу. Это был последний рейс корабля через Ладогу в ту зиму. От Осиновца к Ленинграду шла железная дорога.

Сел в насквозь продуваемый вагон без стекол и под утро оказался в Ленинграде. До нужной мне части мор-

Проводка баржи через Ладогу. 1942 г.

ских подвижных батарей было еще далеко. Временно, на этот день, стал на довольствие в столовой флотского экипажа.

Первый завтрак в блокированном городе. Я был готов ко многому, зная обстановку, но завтрак меня изумил: пирожки с капустой, белый хлеб, приличный кусок сала, ко всему этому — «наркомовские» сто граммов и сладкий чай с булочкой. Я уже предвкушал, каков же будет обед! Увы, меня ждало жестокое разочарование. Я спросил у девушки в столовой:

— Почему такая огромная разница между завтраком и обедом?

— Товарищ политрук, — улыбаясь, ответила она, — ведь сегодня Новый год, и завтрак — новогодний подарок от фронтового Деда Мороза!

Действительно, наступил новый, 1943 год. А я совсем об этом и забыл. После прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 года возвращался через Ладогу уже по льду, «Дорогой жизни».

По сей день, встречая каждый новый год, улыбаюсь, вспоминая тот нечаянный новогодний подарок...

КАК СОЛДАТ ГЕНЕРАЛА НАГРАЖДЛ...

В поэме Николая Доризо «О тех, кто брал рейхстаг» есть такие строчки:

Весь фронт
об этом говорил,
Дивился диву,
Как рядовой боец
дарил
Часы комдиву.

Забавная ситуация, не правда ли? И даже в какой-то степени интригующая. Иду к поэту. Так, мол, и так, Николай Константинович, не можете ли подробнее рассказать об этой истории. Откуда и как стала она вам известна? Не легенда ли?

— Легенда? — улыбнулся собеседник. — Да, наша победа в Великой Отечественной легендарна. Но, с другой стороны, если следовать фактам, то точнее ничего не придумаешь. Потому что и награда существует в природе и сам награжденный жив-здоров. Василий Митрофанович Шатилов, бывший командир 150-й Идрицкой дивизии, чей флаг 30 апреля сорок пятого вознесли на купол рейхстага разведчики Михаил Егоров и Мелитон Кантария. Историю эту я услышал во Дворце культуры завода «Серп и молот» из уст самого комдива на встрече с молодыми рабочими. Под непосредственным впечатлением рассказа я и написал, что называется, на одном дыхании всю поэму. Впрочем, зачем вам пересказывать, когда вы можете услышать ее от самого Василия Митрофановича...

И вот квартира Героя Советского Союза генерал-полковника в отставке В. М. Шатилова.

— Да, было дело, — не без гордости произнес комдив. — Был часами награжден солдатом при штурме рейхстага.

— Солдатом? Кто же отдал ему такой приказ?

— Как кто? Его непосредственный командир — старшина первой минометной роты 756-го стрелкового полка моей же дивизии Василий Афанасьевич Игнатов. Непонятно? Я и сам в первый момент ничего не понял. А дело было так. Утром 30 апреля, часов в одиннадцать, выдвинулся я со своей оперативной группой на самые передовые позиции, чтобы окончательно определить детали штурма рейхстага. И позиции эти, заметьте, находились не где-нибудь, а на Королевской площади, у моста Мольтке Младшего, в 260 метрах от главной фашистской цитадели. Проскочили мы простреливаемое пространство и укрылись за подбитым танком. И тут, прямо как из-под земли, вырастает солдат. В руках у него не то портфель, не то саквояж. Отдает мне честь и докладывает: «Товарищ генерал, вручаю вам часы...» Я сначала подумал, что контужен, видать, боец, заговаривается. А он свое: «Разрешите выполнить приказ командира роты товарища Игнатова...» и достает из своей сумки часы — надо сказать, превосходные швейцарские часы «Зенит», водонепроницаемые и противоударные. «Откуда, — естественно, спрашиваю у солдата, — часы? Кто разрешил?» Солдат докладывает, что накануне, захватив «дом Геринга» (так мы называли здание министерства внутренних дел Германии), разведчики 756-го полка обнаружили в подвалах несколько маркированных ящиков. Позвали саперов. Те определяют: металл. Со всеми предосторожностями открыли ящики, а там — часы. Сотни часов. И какая-то служебная бумага при них. Переводчик установил, что эти часы, закупленные еще в начале войны командованием вермахта в Швейцарии, предназначались солдатам, которые первыми войдут в Москву. Вот такой фюрерский подарок пролежал всю войну в берлинском подвале.

Хозяйственный старшина Игнатов решил использовать часы по прямому назначению, только с небольшой поправкой: вручать часы тем, кто первыми пойдет на штурм рейхстага. Вот так, выполняя приказ своего командира, солдат-минометчик отметил и мое участие в историческом сражении. Ему было все равно, кто перед ним — рядовой или генерал...

— Так вы часы взяли, Василий Митрофанович?

— А как же? Разве можно отменять толковые приказы подчиненных? Они мне потом долгие годы исправно служили.

— И сейчас живы?

— Так точно. Живы.

— Можно взглянуть?

— Можно. Только не здесь. Часы находятся в Ленинградском Музее Октябрьской Революции.

— Почему же в Ленинграде, когда вы москвич?

— А это отдельная история. Дело, видите ли, в том, что мой старший брат, Яков Митрофанович, балтийский матрос, в Октябре семнадцатого года штурмовал Зимний. И именно через него, ленинградца, дирекция музея узнала о моих часах, а узнав, уже не отступилась, пока я их не подарил.

Капитан запаса Им. ЛЕВИН.

«Смелый дядя»

Комбат стоял в траншее с пистолетом в руке и торопил в атаку:

— Вперее-д!.. Вперее-ед!..

Ура-а-а!

Но атака явно не получалась. Не успевали наши солдаты высунуть головы из-за бруствера, как немецкие снайперы и пулеметчики открывали бешеный огонь. Люди либо валились обратно в траншею, либо перекатывались через бруствер, либо оставались лежать на нем.

Подходила моя очередь. До смерти было не «четыре шага», а всего сантиметров двадцать — высота бруствера.

— Вперед! Вперед! Быстрее! — торопил комбат. — Ура-а-а!

Собравшись в комок, я тут же распрямился, как пружина, и, не задерживаясь, перемахнул через бруствер. Пули просвистели, но я уже лежал на земле. Не верилось. Пусть не верят этому и немцы. Затаялся, не шевельясь, лежу, будто убитый. Передохнул, высмотрел впереди себя воронку и перебежкой — в нее. Опять удачно. Обманул фрицев. Лежу, жду, пока другие подтянутся. Немецкие окопы совсем близко, их пулемет бьет прямо передо мной. Но из «других» поблизости, в соседней воронке, оказался только молодой смуглолицый солдат-казак.

Лежим, осмелели — переговариваемся: в лощинке да еще в воронках мы для пуль недосыгаемы. Разве что прямое попадание миной.

— Дядя, — окликает меня неожиданный сосед и улыбается.

«Дядя!» Мне двадцать один, ему — восемнадцать, и я уже для него дядя. Чудак.

ДВА СЛУЧАЯ

— А ты смелый, дядя...

— Почему?

— «Ура» кричал.

Не помню... «Смелый, — думаю, — у «дяди» до сих пор колени дрожат и сердце бьется, как телячий хвост».

Вода

Март 1944 года. Весна, распутица. Снег, как жидкая каша. На полых равнинах озера воды. Наступление не прерывается: вперед и вперед. Немцы не устояли, отступили на вторую линию обороны. Мы стремительно занимаем вражеские траншеи. С ходу прыгаем в них. Но, отступая, гитлеровцы затопили траншею водой. Не беда! Повыше воды выковыриваем в стенках уступы, упираемся в них ногами, отдыхаем, набираемся сил для новой атаки.

Бегут, бегут солдаты, прыгают в траншею... Один солдат увидел воду, замешкался: не хочется ноги мочить. Запрыгал по брустверу, ищет место посуше.

А ему кричат:

— Прыгай скорее! Прыгай!

Пули свистят, немец поливает из пулеметов, а солдат никак не решится.

— Да прыгай же!.. — голос командира.

— Да вод... — оправдывается тот. И вдруг: — Ой, — и мешком свалился в траншею.

И в тот же миг по всей траншее: «Ха-ха! Допрыгался! Ха-ха! Водички испугался!»

Подняли солдата. Жив оказался, слегка лишь пулей задело. Отплевывается мутной водой. И тогда еще больший хохот пошел, да с солдатскими шутками-прибаутками...

Очень смешно было...

Капитан запаса М. КОЛОСОВ.

СЕРВИС,

Нынче, когда чуть ли не каждый второй вкусил прелестей зарубежного круиза, просто рука не поднимается в тысячный раз поражать читателя открытием, что венгерская столица поделена Дунаем на две части — Буду и Пешт, или описывать заковыристые лапы огневого чардаша.

А потому примем как данность, что красавец Будапешт по-прежнему вызывает восторженные охи, черешневая палинка все так же крепка и вкусна, а тонкобровые мадьярки посмотрят — пятнадцать форинтами подарят, что, по официальному курсу, приблизительно соответствует рублю.

Может быть, удмуртам или манси, в известной степени родственникам венгров по языку, легче объясниться в Будапеште, чем узбеку или русскому. Есть, однако, два ключевых выражения, овладев которыми вы в Венгрии становитесь своим человеком.

В метро, в магазине, в баре, в праздной толпе на улице Ваца несомлкаемым рефреном звучит:

— Леден сивеш!

— Тешшек, паранчольни!

Кажется, что это первые слова, которые начинают лепетать с колыбели маленькие венгры:

— Будьте любезны!

— Прошу, пожалуйста!

Пожилой обладатель зеркальной лысины галантно пропускает вас в дверь универмага «Шкала»:

— Прошу, пожалуйста!

И это трогательно до слез, если учесть, что в универмаге сейчас допродают остатки средства для ращения волос, дающего, по слухам, феноменальные результаты.

По въевшейся в кровь и кость московской привычке вы кидаетесь через улицу в просвет, образовавшийся между автомобилями. Визг тормозов. Водитель выглядывает из окошка, точно кукушка из часов. Ясное дело, что он вам сейчас прокукует. И вдруг приглашающий жест:

— Будьте любезны!

Почему-то это впечатляет и дисциплинирует больше сакраментального: «Жить надоело?»

— Никаких проблем! — спокойно посасывая традиционную сигару, поясняет наш коллега, венгерский сатирик Пал Шомоди. — Надо только по-

нять, что пешеходы и водители играют в одну общую игру!

И тотчас жмет на газ, приветственно махнув пешеходу, который любезно пропускает нашу машину в соответствии с правилами общей игры.

Возможно, поэтому даже на самых головоломных переплетениях трасс тут не увидишь утраченного плаката «Выиграешь минуту — потеряешь жизнь!».

Эти «будьте любезны» и «прошу, пожалуйста» могут, конечно, показаться не стоящим внимания пустяком. Но они тем не менее создают устойчивый климат дружелюбия, вежливости, доброжелательности. А это уже далеко не пустяк. Это наши нервы, наше настроение, наша работоспособность.

Упомянутый климат одинаково здоров для всех. И особенно важен в пресловутой сфере обслуживания, в сервисе, гримасам которого в своем отечестве мы по сию пору посвящаем столько обидных, но, увы, пока справедливых упреков.

Ни в одном из юрких «Жигулей», составляющих будапештский таксопарк, нет завлекающей таблички «Гарантирую отличное обслуживание». Но таксист, стремительно выпрыгивающий из машины, чтобы подхватить ваш тяжелый чемодан, — это норма.

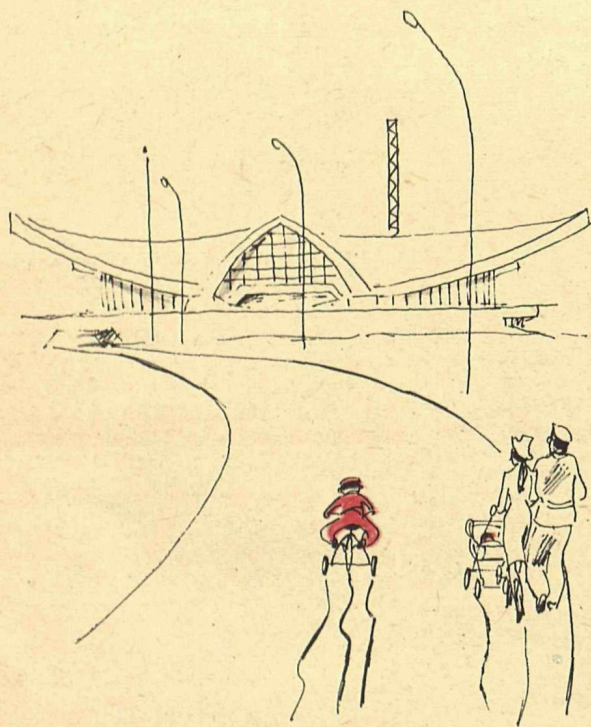
Или такая мелочь, как кресла в кинотеатре, установленные так, что вы даже при желании не сможете упереться взглядом в затылок сидящего впереди: для этого вам пришлось бы специально изогнуться.

Кстати, в кинотеатре вам обязательно предложат раздеться, словно в театре. И зрителю нет нужды весь сеанс париться в мохнатой дохе или мять сложенный на коленях плащ. Как говорится, пустячок, а приятно.

Но — тсс!.. Что это на экране за ослепительная

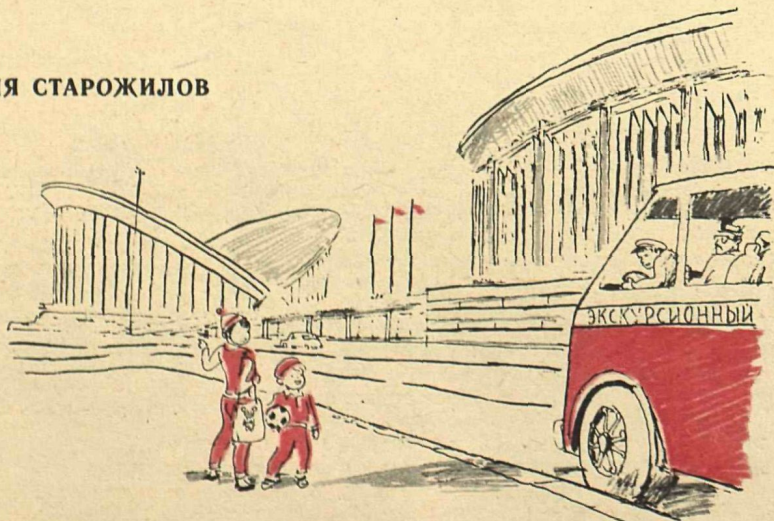
Ю. ЧЕРЕПАНОВ

РЕПОРТАЖ С ОЛИМПИЙСКИХ СТРОЕК

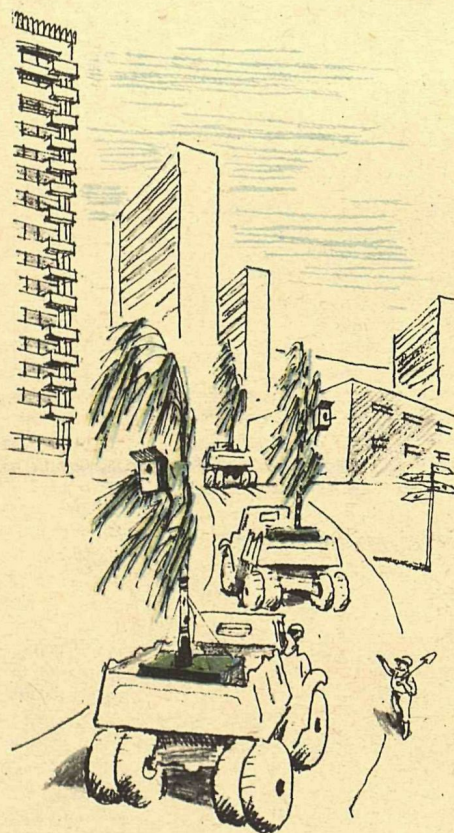

ОПРОБОВАНИЕ ВЕЛОТРАССЫ В КРЫЛАТСКОМ

КОНСУЛЬТАЦИЯ СТАРОЖИЛОВ

ПЕРВЫЕ НОВОСЕЛЫ ОЛИМПИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Леонид Ленч подарил редакции свою очередную книгу рассказов. Мы полистали ее, посмотрели картинки. Картинки были очень веселые. Текст тоже вызывал улыбку, хотя и не у всех читателей, а только у тех, кто владел немецким языком. И это неудивительно, ибо книга выпущена в ГДР издательством «Ойленшпигель» (составитель и переводчик Альона Мёкель, художник Карл Шрадер). В нее включены рассказы, написанные автором в разные годы. А название сборнику дал рассказ «Взяточник в аду» из цикла «Страшные невероятности». Этот цикл представлен также рассказом «Наяда» и маленькой сатирической повестью «Арбатский шарик».

В послесловии, которое подробно знакомит немецкого читателя с жизненным и творческим путем Леонида Ленча, сказано, что его сатирическим оружием в большинстве случаев является не секира, которая рубит сплеча, а изящная рапира. «Не только изящная, но и острая», — дополним мы это тонкое наблюдение.

В издательстве «Искусство» есть замечательная серия — «Библиотека кинодраматургии». А замечательна она тем, что организует для нас встречи со старыми знакомыми — хорошими фильмами. Недавно в этой серии вышла книга, которая называется «Суета сует». В ней два сценария — один про суету сует, а второй — «Учитель пеня». Написал их (и не только их) Эмиль Брагинский, известный кинодраматург, да еще, что для «Крокодила» особенно ценно, комедиограф.

красотка в меховом мантио? Ее партнер — благообразный субъект начальственного вида — тоже тарашит на красотку глаза, как и зрители. А та обольстительно улыбается. Мантио падает на пол, красотка, оставшись в мизерном купальничке-бикини, присаживается на край стола и...

Но не спешите с выводами. Красотка, оказывается, всего-навсего добивается должности страхового агента. Она желает страховать жизнь. Благообразный окидывает ее снисходительным взглядом и чеканит:

— Страхование жизни настолько выгодно, что не нуждается в рекламе!..

Зал добродушным смехом встречает этот рекламный ролик, сделанный, как большинство здешней рекламы, кем-то из коллег-юмористов.

Наверное, не все сломя голову бросятся страховать. Но за каких-нибудь тридцать секунд нам подарили еще капельку юмора, еще немножко хорошего настроения.

Реклама бывает разная. Некогда хозяин шикар-ного ресторана «Хунгария», открывая свое заведение, всенародно швырнул ключ от него в Дунай. Дескать, двери «Хунгарии» не будут закрываться ни днем, ни ночью. Что и говорить, эффектный жест!

Давно уж в Венгрии нету прежних хозяев. Они сами канули в реку, называемую Летой. Но на будапештских берегах Дуная вы можете закусить и глотнуть горячего кофейку в любое время суток. И если один, грубо говоря, пиццелок гасит плиты, то где-то непременно отыщется другой, где их только что разогнали для желающих.

Такое бывает, когда сервис означает то, что он означает, — заботу о человеке. И тогда совсем не странно на ясном будапештском рассвете увидеть за столиком пустой в этот час «Хунгарии» писателя-сатирика Дьердя Микеша, который, прихлебывая кофе, заканчивает очередной фельетон для «Лудаш Мати», венгерского собрата «Крокодила».

— Сервис, сервис! — хочется воскликнуть, отыскав в небогатом своем арсенале наиболее подходящее венгерское слово. — Привет, сервис!..

И как же его не поприветствовать, когда видишь, как на улице Ракоци азартный продавец выносит из магазина пальтецо, чтобы продемонстрировать его сомневающемуся покупателю при дневном свете. Или когда гадаешь: уж не блотные ли духи пылесосят и меняют полотенца в гостинице «Эмке»? Горничных и дежурных по этажу словно бы и нет в природе. А порядок и чистота есть.

И это тоже одна из приятных физиономий многоликого сервиса.

Есть, конечно, повод и поворчать. Скажем, чадят там почему зря. Курят отчаянно, почти не взирая на возраст и совсем невзирая на пол. Смолят в забегаловках самообслуживания. Разумеется, это не всякому по вкусу. Но, видно, в сфере общепита тут не курение сочли главным злом, а томительное ожидание. И с этим расправились беспощадно. К примеру, гостиничный завтрак по самому скрупулезному хронометражу занимает никак не более пяти минут.

А в ночном кабаре «Максим» вас не только потчуют, так сказать, культурной программой — песнями, плясками и фокусами, вас окружают поистине родительской заботой. Тут и одинокому окурку не дадут залежаться в пепельнице. Зоркая девушка в красной форменной курточке мгновенно заменит оскверненную пепельницу чистой. И своей скромной бутылки токая вы не конетесь. Все та же зоркая выпорхнет из-за спины, чтобы наполнить осушенную рюмку.

Таких и подобных заведений в Будапеште несчетно. И те, чьи вечерние запросы не совпали с репертуаром Национальной оперы, идут в варьете «Мулен-Руж», в театр-клуб «Асторию» на ревию, пародирующее историю «супершпионки» Мата Хари, в дискотеку или просто в бар.

Да, это не очень дешево, хотя за вечер не зарочно опрочичиться чашечкой кофе. Но тут сочли, что люди, не знающие, куда себя деть по вечерам, обходятся обществу дороже. Кстати, все эти кабаре, варьете и бары, в названиях которых как бы предчувствуется некий разгул, на самом деле просто уютные места для дружеских и лирических бесед.

Витрины — это тоже лицо города. Когда Парижский двор, улицы Кошута и Петефи «врубают» на полную мощь свой разноцветный неон, буйство красок слепит глаза. Будапештцы от мала до велика обожают газетку на витрины. Они и впрямь праздник тонкого, безукоризненного вкуса.

Но радуется не только вкус. На витрине имеет право красоваться только то, что есть в продаже. И в этом видится тоже определенная забота и вежливость по отношению к потенциальному покупателю. Это тоже сервис.

Не составляет исключения и лучший венгерский универмаг «Шкала», чьи манекенщицы, говорят, даже в быту носят одежду, купленную только в этом универмаге.

— За три с половиной года со дня открытия, —

с законной гордостью говорит секретарь парторганизации Мария Ёри, — у нас побывало посетителей в три раза больше, чем все население Венгрии. Думаю, их привлек не только самый богатый в стране выбор товаров. Важно, что мы предлагаем еще семьдесят четыре формы дополнительных услуг — от химчистки до детской комнаты, где мамы спокойно оставляют играть своих детей.

В магазинный сервис, между прочим, входит и специальное помещение для мужей, где те остаются весьма охотно, поскольку воды и соки там продаются наиболее симпатичными сотрудницами магазина.

Автостоянка возле «Шкаль» платная. Но тому, кто что-нибудь купил в универмаге, тотчас возвращают половину денег.

Так мудро ли, что обихожная и убажженная венгерка, выйдя на улицу, всплескивает руками:

— Тысячу раз давала зарок не ходить в «Шкалу!» Как войдешь, так все деньги тут и оставишь! Обходительность здешних продавщиц — результат не только воспитания. Каждая стремится заполучить «чек улыбки» — карточку с благодарностью, которую покупатель при желании опускает в специальный ящик. Само собой, «чеки улыбки» ежемесячно превращаются для продавщицы в денежную премию.

В минувшем году старый универмаг «Корвин», встревоженный растущей популярностью молодого соперника, поставил возле «Шкаль» автобусы с надписью: «ТО, ЧЕГО ВЫ НЕ НАШЛИ В «ШКАЛЕ», ВЫ КУПИТЕ В «КОРВИНЕ», КУДА ВАС ДОСТАВИТ НАШ АВТОБУС!»

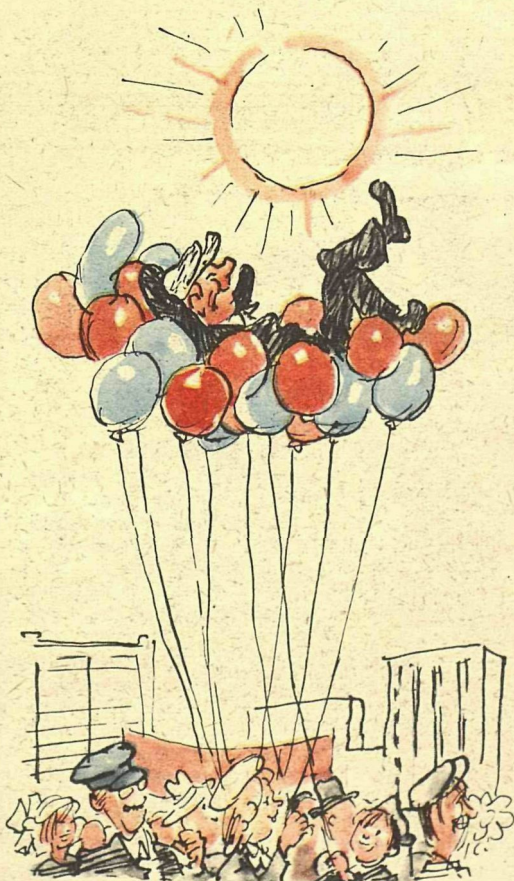
Занятно, не правда ли? Но не только. Здесь опять вступил в свои права многоликий сервис, способный так облегчить хлопотливый, часто заедающий нас быт.

Вот некоторые соображения, возникшие по ходу этих путевых впечатлений. Извинимся еще раз за отсутствие традиционного туристического набора: волнующей панорамы со знаменитой горы Геллерт, сказочной декорации городка Сентэндры и седых стен Рыбачьей крепости, соседствующей с наисовременнейшим отелем «Хилтон».

Поначалу мы косились на местный сервис с некоторой ревностью. Но вспомнили, что ревность, как утверждают психологи, — это боязнь сравнения. А сравнивать необходимо, чтобы самим день ото дня становиться лучше.

Будапешт — Москва

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

РЕШИЛ ПОЗАГОРАТЬ

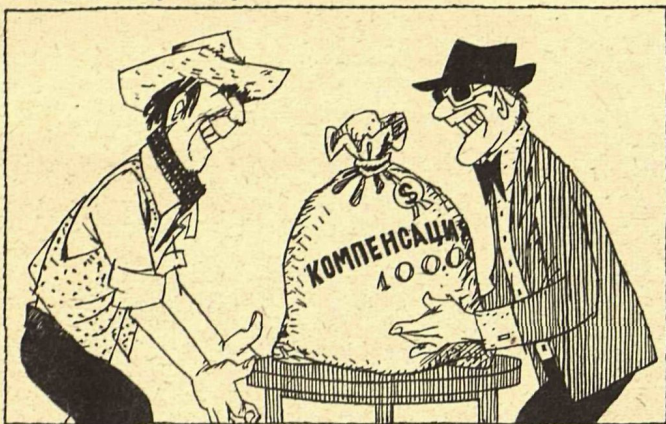
— Ну что, старик? Через десять минут не придет — цветы продаю.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Рисунок М. БИТНОГО

Правительство США отказалось оказать помощь фермерам, пострадавшим в результате эмбарго на поставки зерна Советскому Союзу.

ЛОВКОСТЬ РУК.

Рисунок Г. ИОРША.

Что почем!

Отсидка с удобствами

Это заведение в маленьком английском графстве Дэрбишир по вечерам не светится зазывными огнями реклам. Оно не нуждается в рекламе, как всякое и без того процветающее дело.

Вечерами служащие заведения вихрем разлетаются по этажам и коридорам, вежливо стучат в двери постояльцев:

— Ваш бифштекс, сэри! С кровью, как вы любите!
— Заказывали телефонный разговор с Лондоном, сэри? Прошу пройти к аппарату!

— Извините, сегодня сигарет с героином нет, сэри. Есть только с марихуаной.

— Ваше пальто, сэри! Ваша шляпа! Ваш зонтик, сэри! Привет семье! Поцелуйте детей, сэри! Будем рады видеть вас завтра!

— Свежие журналы, сэри! Будете довольны. Я их полистал на досуге. Настоящее мужское зрелище, сэри. Пальчики оближете!

Тем временем к соседней двери следует блондинка, не уступающая выразительностью форм тем, что красуются в мужских журналах.

— Привет, малыш! — воркует она, толкнув дверь ногой. — А вот и я! Будем знакомы!

Словом, многообразный сервис бурлит и сверкает во всех закоулках заведе-

ния. Но не ночной клуб, не фешенебельный ресторан помещается в этом здании, где, как говорили классики, по странной причуде архитектора окна украшены решетками.

Да, это тюрьма. Садбэрская тюрьма. Местечко довольно мрачное по своему назначению. Однако для внутреннего пользования существует обширный преискурант, так сказать, добрых услуг:

1. Визит специально привезенной дамы — 200 фунтов ст.
2. Увольнительная домой — 100 фунтов ст.
3. Телефонный разговор — 10 фунтов ст.
4. Срочное свидание с родственниками — 10 фунтов ст.
5. Порнопресса — 25 фунтов ст.

и так далее.

Авторы и исполнители этой развлекательной программы — офицеры тюремной охраны — очень обиделись, когда газета «Дейли миррор» опубликовала их преискурант, и возбудили уголовное дело против болтливых газетчиков. Впрочем, если последние проиграют, горевать им нечего. Надо проситься в Садбэрскую тюрьму графства Дэрбишир. Там сидят с удобствами. И преискурант известен.

В кругу семьи

ДОМ, ГДЕ ПЛОДЯТСЯ СКАНДАЛЫ

В последнее время вокруг то одного, то другого жильца дома № 10, что на лондонской Даунинг-стрит, бушуют страсти.

Было ведь решено, что муж нынешней хозяйки дома за миллию будет обходить любого представителя журналистской братии. Ведь дел у миллионера Дениса Тэтчера достаточно: и промышленные компании под началом, и семью забывать негоже. Но не сдержался мистер Тэтчер, нарушил запрет. Поделился сокровенным. А сокровенным оказалось желание видеть британских регбистов играющими в эту истинно мужскую игру в Претории с юаровскими регбистами, выброшенными из мирового спортивного движения по известным причинам. Последовал закономерный взрыв негодования. Взгляды британской общественности обратились на дом № 10. В ответ оттуда раздался женский голос: «Со стороны премьер-министра комментариев не будет».

Скандал только начал разгораться вовсю, как огонь переключил на себя другой жилец этого же дома — родной сын миллионера — Марк Тэтчер. Этот двадцатилетний плебей имеет хоб-

би — увлекается автогонками. Что требует известных затрат. А поскольку тряхнуть папину кошну, судя по всему, толком не удалось, молодой джентльмен решил заработать средства сам. Как? Очень просто. Ведь у него на сегодняшний день имеется первоначальный капитал — довольно известное имя. Точнее, фамилия. А это можно пустить в дело. Расчет оказался правильным. Немалую мзду за рекламу своей продукции платил владельцу известной фамилии порножурналистик «Только для мужчин».

Оторопь, которую вызвал у британцев этим решением молодой жилец дома № 10, сменилась настоящим воплем негодования. Хотя автогонщик на сей раз принял вроде бы пристойное предложение — рекламировать текстильные товары одной фирмы. Но беда в том, что фирма оказалась японской. А дальневосточные бизнесмены и без того мертвой хваткой схватили за горло английскую индустрию.

Взоры вновь обратились к дому № 10 по Даунинг-стрит. Хозяйкино меццо-сопрано объяснило: «Марк Тэтчер — частное лицо, могущее делать то,

что ему заблагорассудится».

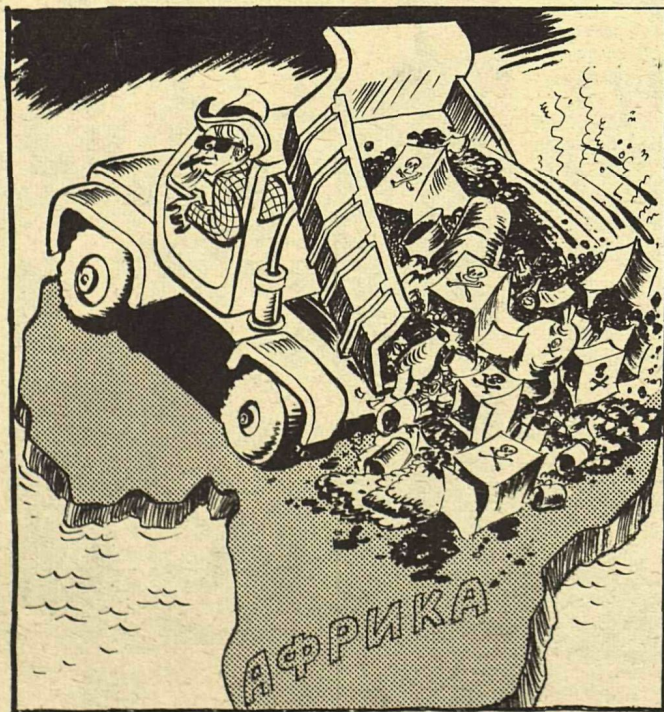
Страсти кипели бы, наверное, еще долго, если бы эстафетную палочку не перехватил герой предыдущего скандала, родителем Марка, — мистер Денис Тэтчер. Этот деловитый мужчина вдобавок ко всем прочим своим добродетелям возглавляет фирму «Чипмен», изготовляющую гербициды.

Гербициды — смерть сорнякам, утеха земледельцам, — вещь в принципе прекрасная. Но изделие фирмы «Чипмен», как обнаружилось, обладает слишком уж широким спектром действия — попутно вызывает выкидыши у беременных женщин и порождает тяжкие болезни у новорожденных.

Исследования экспертов вызвали возмущенную реакцию общественности. Однако президент фирмы «Чипмен» сохраняет олимпийское спокойствие. Как и его супруга.

Время покажет, что обитателям особняка № 10 окажется ближе — забота о благосостоянии семейства или о благе соотечественников. А может быть, жильцы укроются за английской поговоркой «Мой дом — моя крепость»? Тогда же возможный вариант.

США пытаются использовать территорию некоторых африканских стран в качестве «кладбища» для захоронения своих радиоактивных отходов.

СЭМОСВАЛ.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Сто очков вперед!

Во время переезда английской супружеской четы Паттерсонов из Брайтона полиция обнаружила у них библиотеку из тринадцати тысяч пятидесяти томов, главным образом составленную из фондов общественных книгохранилищ города.

— Мы — это еще что! — скромно потупились перед судом супруги-библиофилы. — В музеях нашей страны находятся экспонаты, вывезенные из бывших владений империи, стоимость которых в тысячи раз превышает наше добро... Вот у кого бы поучиться!

Раздраженные крахом своих планов превратить Афганистан в антисоветский плацдарм, США и Китай искусственно раздувают и цепляются за так называемый «афганский вопрос».

Марк ВАЙСБОРД

Рисунок М. АБРАМОВА

КОЛЛЕГИ

Считается, что западногерманский полицейский — образец аккуратности и исполнительности. Например, ловко изобретенная полицейским управлением система телефонного подслушивания и почтового подглядывания — разве это не образец примерной сверхбдительности? Или, скажем, четко продуманная и аккуратненько расписанная тайная картотека политически неблагонадежных — это же полет полицейской мысли! Вершина предусмотрительности. Тут и думать долго не надо, сунул руку в картотеку — доля секунды — и сразу ясно, как поступать с данным типчиком.

Другое дело — западногерманский врач. У него доля, конечно, менее завидная. Потому что, с одной стороны, ему вроде бы положено проникнуться состраданием к больному и лечить его, ни о чем ином не думая; но, с другой стороны, как быть, если рука так и норовит соскочить с пульса и пощупать заодно и карман страдающего: а вдруг не хватит на лечение? От такой раздвоенности в мыслях может и внимание ослабнуть и ошибка в диагнозе пролезть.

Для того чтобы уберечь тонкую душу врача от неопределенности и терзания, решено было обратиться к

опыту полицейских, которые всегда наверняка знают, чего они хотят. Поэтому в объединении западногерманских больниц были составлены «черные списки», так называемые «варнкарты», куда на полицейский манер были занесены имена заведомых неплательщиков.

«Только здесь, в Охсенцолле (один из районов Гамбурга), находится в обращении не менее тысячи предупреждающих карточек, — сообщает в интервью западногерманскому журналу «Шпигель» семидесятилетний пенсионер Вальтер Вейде, тоже, разумеется, занесенный в списки. — И в них фигурируют не только заведомые неплательщики, но и просто малообеспеченные люди, не имеющие возможности платить большие гонорары. Среди них пенсионеры, как я, оставленные мужьями женщины с двумя и более детьми, живущие без посторонней помощи, и многие другие. Больницы и врачи неохотно занимаются бедными людьми».

Зато главный финансовый референт объединения западногерманских больниц Вольфганг Фишер в восторге. «Варнкарты» — это единственный способ защитить больницы от таких больных! — восклицает он со страниц прессы.

Думается, что не единственный. Если уж следовать полицейским манерам, то, кроме стетоскопов, пинцетов, ложечек, надо держать в кабинете и взятую напрокат полицейскую дубинку.

И. СКОРОБОГАТОВА

КРОКОДИЛЬСКИЕ МЕМОУАРЫ

Кратко о Кротках

Неповторимым мастером экспромта был Эмиль Яковлевич Кроткий.

Он, что называется, с ходу мог сочинить стихотворную подпись к плакату Кукрыниксов, написать эпиграмму (вроде классической «Бойтесь кричащих: «Сатиру долой!» Мусор всегда недоволен метлой») или на тематическом совещании мгновенно придумать тему, а то и поддеть кого-либо из коллег ядовитой репликой. Впрочем, почти всегда его суждения были добродушны и доброжелательны.

На планерке очередных номеров «Крокодила» разговор зашел о фельетонах Михаила Львовича Штиха, много писавшего в то время и в «Правде», и в «Крокодиле».

Эмиль Яковлевич, нагнувшись к соседу, громким шепотом сообщил:

— Это не фельетон! Это же стихотворения в прозе!

Драма с собачкой

Тепло вспоминают крокодилы Варвару Андреевну Карбовскую, автора множества юмористических рассказов, фельетонов, сенок и даже одной темы для рисунка. Темы, между прочим, родившейся прямо на совещании и проиллюстрированной Леонидом Соифертисом:

«— Зачем вы брали с собой ребенка на лекцию? Ведь он вам мешал.»

— Нет, что вы! Ребенок тоже уснул...»

Варвара Андреевна всегда была готова поехать в командировку как сама, так и с художниками журнала.

Но вот писательница завела собачонку Степку, сразу же став объектом юстрот собратьев по перу (тут и «Собачья жизнь» и, конечно, «Дама с собачкой»!).

Сергей Александрович Швецов, тогдашний редактор «Крокодила», как-то предложил ей небольшую командировку, на что Варвара Андреевна возразила:

— Ах, что вы, что вы! Это никак невозможно! Я ведь теперь на привязи...

Простая арифметика

Теперь при журнале существует «Клуб Ча-Ча» («Чашка чая»), в котором происходят встречи крокодилцев с мастерами сатирического цеха, с коллегами-журналистами и т. д. Да и раньше сатирики общались с друзьями из смежных областей искусств в Доме литераторов, ЦДРИ, Доме кино.

На одной из таких встреч свое искусство демонстрировали мастера московской эстрады. После выступления одной молодой, но излишне полной актрисы руководитель эстрадной группы обратился к сидящему рядом Семену Давыдовичу Нариньяну:

— Талантливая, понимаете, комедийная актриса, а ее все тянет на серьезные роли. В драму. Ну, разве из нее получится Дездемона?

— Даже две! — заметил известный фельетонист.

СТОЛИК С ВИДОМ НА ТРАМ- ВАЙ

После работы я, как всегда, решил забежать в нашу «стекляшку» выпить бутылку пива и съесть какой-нибудь бутерброд, пока не придет с работы жена и не приготовит ужин.

К моему изумлению, вечно осеннего вида крыльцо нашей «стекляшки» было чисто вымыто, а у дверей стоял швейцар с галунами, в генеральской фуражке и приветливым лицом человека, который взял от жизни все и больше ему от нее ничего не надо. В швейцаре я узнал директора кафе, которого видел иногда, когда тот руководил разгрузкой ящиков во дворе.

— Теперь это ресторан? — упав духом, спросил я директора-швейцара.

Когда «стекляшка» становится рестораном — это оборачивается бедствием для всего микрорайона.

— Нет, — приветливо улыбнулся бывший диспетчер погрузочно-разгрузочных работ. — Это я по совместительству. Когда работы нет, я переодеваюсь в форму и становлюсь швейцаром. Всё людям приятно.

— А крыльцо зачем вымыли? — подозрительно спросил я.

— Для чистоты. Да вы проходите. Сегодня как раз пиво чешское завезли. Есть и немецкое, но я предпочитаю наше «двойное золотое». Сейчас,

правда, нет, но к вечеру обещают. Обязательно заходите. Я вас заметил: вы любитель пива. Приятно иметь постоянную клиентуру.

Очень удивляясь словам своего собеседника, я вошел в кафе. Что-то раньше я не замечал у него внимания к «постоянной клиентуре». «Сняли, наверное, из директоров, вот он и устроился швейцаром, — подумал я, — вербует себе «клиентуру» для чаевых».

Однако чудеса на этом не кончились. Они только начинались. Раньше мы топали в одежде прямо в зал, скользя на опилках, которые щедрой рукой рассыпала уборщица тетя Зина в синем, выдавшем виды халате.

Теперь пол, как и крыльцо, был тщательно вымыт, а тетя Зина уже в белом халате стояла в сооруженном на скорую руку гардеробе и, позвякивая в кармане жетонами, строго говорила:

— Мальчишки, раздевайтесь! Авось, не в кино пришли, а в культурное учреждение.

Я снял пальто, шапку и пригладил волосы ладонью.

— Повысили, что ли, тетя Зина? — спросил я, уважительно смотря на бывшую уборщицу, теперь больше похожую на медицинскую сестру.

— Да нет... Это я по совместительству... Все

равно по другим точкам бегаешь, так уж лучше в своей. Ты ноги-то, ноги вытирай, авось, не в театр пришел!

Я послушно вытер ноги, еще раз пригладил волосы и вошел в зал.

Это не был зал «стекляшки»!

Это был зал ресторана!

Это был зал для приема иностранных делегаций!

За накрытыми накрахмаленными скатертями столиками сидели все давным-давно знакомые мне люди. На физиономиях была растерянность и даже испуг. Все находилось в мятой одежде и были не причесаны. Кто же мог подумать, что тетя Зина вдруг откроет здесь гардероб?

— Где хотите сесть, молодой человек?

Я оглянулся, с ужасом ожидая дальнейших чудес. И не ошибся. Рядом со мной стояла буфетчица Клава в каком-то легкомысленном синем наряде, очень напоминающем бальное платье 18-го века. Из кармана белого передничка торчали карандаш и блокнот. Я впервые видел Клаву в полный рост, ибо обычно ее скрывал прилавок. Я всегда думал, что Клава — квадратный робот, а оказалось, это очень миловидная женщина, правда, немного с широкими плечами, но зато фигурка — закачаешься...

— Где-нибудь, — пробормотал я.

— Посередине не очень уютно, — рассуждала Клава, разглядывая зал. — В том углу тихо, но рядом подсобка — грохот... Посажу-ка я вас вон за тот столик! Правда, там все время бегают перед глазами трамваи, но зато видно небо и кусочек сквера.

Я был очень поражен. Откуда Клава знает, что я люблю небо и сквер? Значит, замечала — сажусь всегда у окна с видом на трамвай.

Я несмело присел на чистый клеенчатый стул, не заляпанный пищей и не залитый липким, как клей, портьейном. Напротив меня сидел молодой бородатый парень, по виду студент, и тупо смотрел на запотевшую бутылку чешского пива. Поллица студента закрывала стоящая посередине стола в обыкновенном стакане веточка вербы.

— Что будем пить? — Буфетчица — официантка кокетливо поправила накрахмаленный чепец.

— Пива... чешского, — прохрипел я. — И бутерброд, если можно...

— С чем?

— С сыром...

— С каким?

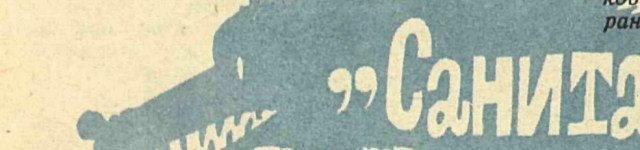
— С любым, — пробормотал я.

— К чешскому пиву, — улыбнулась Клава, — очень идет камамбер.

Я посмотрел на студента. Не насмехается ли буфетчица надо мной? Но студент мрачно кивнул: дескать, все правильно, не насмехается. Перед студентом лежали аж три разных бутерброда: с окороком, сыром, селедкой — и стояла тарелочка с огненными креветками.

— А... креветок... можно? — попросил я, хотя

Шона СМАХАНУЛЫ

В некоторых областях Казахстана расплодилось множество волков, которые наносят серьезный ущерб поголовью скота. Крокодил отнюдь не призывает к полному истреблению волков, этих действительно санитаров леса, но и чрезмерная «охота» их также вредна.

Шли, завывая,
С далекой степной стороны...
Шли, завывая,
С далекой речной стороны...
Воем взрывая
Молчащую черную ночь,
Серые стан
[Беги от разбойников прочь!]
В сая* песчаном, вдали от людей и жилья,
Вышел вперед седогривый матерый вожак,
Зубы оскалил, и слышу, мне кажется, я,
Что прорычал он собравшимся хищникам так:
— Волки мои! Мечезубые братья мои!
Нас уничтожить хотели, лишить нас семьи.
Стали сводить, просто жутко подумать, на нет!
К счастью, нашлись, дай бог жизни им тысячу лет! —
Милые люди, что вдруг воспротивились злу,
Нам они пели и денно и ночью хвалу:
«Волк — санитар, и в разбоях его не вни.
Ест он больных и хромых, а здоровых — ни-ни!
Ловят убогих, паршивых и вредных калек,
Режет овечек, с лихвою отживших свой век.
Гнать волкодавов без жалости надо взащей!...»
Эти слова волковеда — бальзам для ушей.
Пусть защитивший нас милый чудак-волковед

* Сай (каз.) — ущелье.

Жирных баранов имеет всегда на обед. Если умрет — пусть земля будет пухом ему. Райское вечное счастье — ему одному! Это усвоить обязан, — добавил вожак, — Каждый, кто истинный волк, а не жалкий ишак. Наши волчицы, я слышу, уже не ворчат — Станут теперь приносить по двенадцать волчат. Можете, братья-разбойники, жить не тужить, Можете смело здоровых баранов крошить. Мы не шакалы, чтоб всякую падаль жевать, Жри до отвала —

на прочее нам наплевать. Первое блюдо — ягненок, как манна с небес, Блюдо второе — теленок, деликатес, Дальше последуют ростбифы из жеребят — Все это мигом волчата и волки съедят. Если вдобавок ленивый и сонный чабан Дома за тоем сидит, безмятежен и пьян, Если он в волчью натуру не верит, глупец, Мы за один свой набег свалим двадцать овец! Мы не оставим следа от богатых отар! Помните, братья, что каждый из вас — санитар!.. Кончилась речь. И завыл свой печальный мотив Серый, свирепый и злой

«санитарный актив».

Перевел с казахского Мих. РАСКАТОВ.

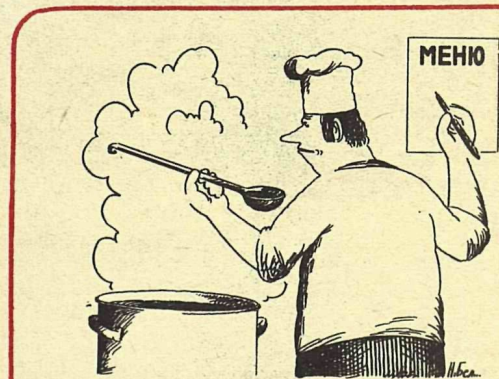

Рисунок Н. БЕЛЕВЦЕВА

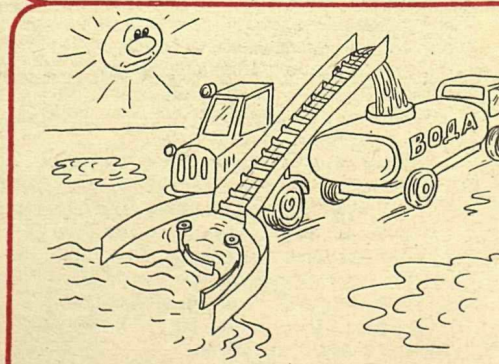

Рисунок Е. МИЛУТКИ

заранее знал, что креветки у студента «блатные».

— Горячих или холодных?
Мои губы не могли произнести ничего членораздельного. Я лишь что-то промычал и закивал головой, затряс руками, как делают глухонемые. Но Клава отлично поняла.

— С парком, значит... Вы не очень спешите? Будут готовы через пять минут...

Она торопливо отошла, так как в «стекляшку» вошел новый посетитель. Мы со студентом уставились друг на друга. У студента, как у взмыленной лошади, на бороде стойко высилась пена — первый признак хорошего пива.

— Что произошло? — спросил я студента. — Или это какой-нибудь образцово-показательный ресторан? Или, может, только для иностранцев?

Мы с сомнением оглядели друг друга: на иностранцев, честно говоря, мы мало походили.

— Сам ничего не пойму, — признался студент. — А спрашивать совестно.

Новый посетитель, который уже занес было ногу над порогом зала, увидев накрахмаленные столики, веточки вербы, отшатнулся, чуть было не грохнулся затылком назад, но его выручила бутылка портвейна, которая торчала из кармана широченных брюк маляра-отделочника. Горлышко зацепилось за косяк и спасло своего хозяина, может быть, от сотрясения мозга. Расталкивая лю-

дей в белых халатах и боднув головой директора-швейцара, маляр-отделочник скрылся. По залу распространился тяжелый запах ядерного горючего (я никогда не нюхал ядерное горючее, но, мне кажется, оно пахнет именно так). Это во время удара маляра о косяк пробка от бутылки выскочила, и часть портвейна пролилась на пол. Пол, куда пролился портвейн, задымился, а лампочка в гардеробе вдруг взорвалась и засветилась от паров портвейна уже просто так, как обыкновенная керосиновая лампа.

Больше в кафе никто не заходил. В зале нас было пятеро, и все мы быстро при гробовом молчании допивали холодное качественное чешское пиво и доедали атлантические горячие креветки. Нам было очень непривычно среди этого царства крахмала, вербы и улыбок.

— Все-таки это для иностранцев, — убежденно сказал студент. — Ждут какую-то делегацию, а в паузу запустили нас. Потренироваться...

— Вряд ли, — с сомнением сказал я. — Паузу бы они взяли себе. Скорее всего это у них какой-то новый почин. Но надо было бы как-то частями... а то — вдруг. Народ к переменам частями привыкает.

— Да. Это верно, — согласился студент.
В это время к нам подошла буфетчица-официантка Клава.

— Больше ничего не желаете, мальчики? Может быть, вам сделать тосты? Только что включили машину.

Мы сидели подавленные, так как не знали, что такое тосты. То есть слышали краем уха, но точно не знали. Клава, видно, поняла нас.

— Ну это такие хлебцы поджаренные, — пояснила она. — Желудок согревают. Очень полезно.
— Эти тетерева — вещь! — высунувшись из-за дверей, крикнула уборщица тетя Зина.

Директор, который в туалете переодевался из швейцара снова в директорский костюм, заинтересовался разговором.

— Даже на Островах Зеленого Мыса ни один зеленомысовец не съедет за стол без поджаренного хлеба, — нравоучительно сказал он, приоткрыв дверь. — У нас же понаделали этих машин, и они лежат в хозяйственных магазинах металлоломом. Надо приучать людей к тостам. Пока не съедите за мой счет по паре тостов — никуда отсюда не выпущу.

— Психи! — вдруг закричал студент, срывая со своей бороды клочья пены, как клочья ваты; от употребления качественного чешского пива студент был похож на деда-мороза. — Что вы сделали с нашей родной «стекляшкой»? То-с-те-ры! Кре-вет-ки! Может быть, вы додумаетесь раков или рыбка к пиву подавать? В вашем кафе сидишь и дрожишь — не знаешь, что вы в следующий момент выкинете! Почин у них, видите ли! Знаем мы эти почини! Сегодня почин — чешское пиво с креветками, а завтра — холодный чай без заварки с дыркой от бублика! — Студент бросил на стол трешницу и убежал.

Директор-швейцар грустно посмотрел ему вслед.

— Вот чудак... Плохо было — нравилось. Хорошо сделали — сердится.

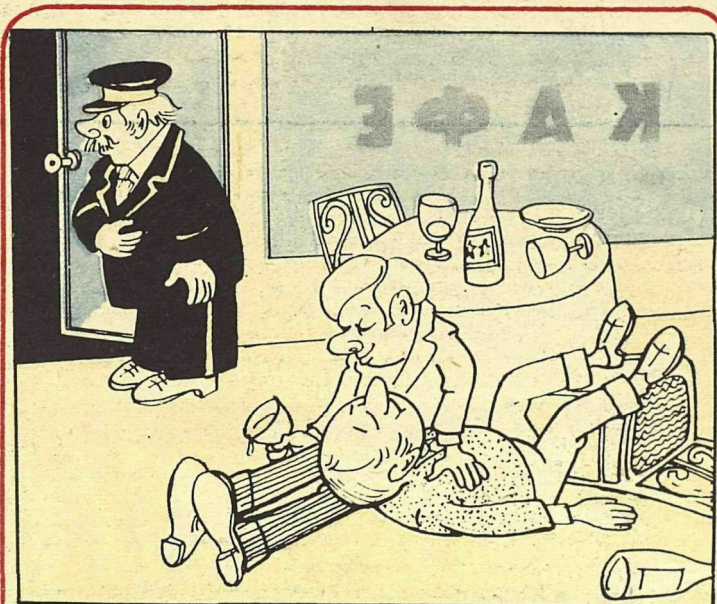
— Он вообще боится починов, — пояснил я.
— В том-то и дело, что это не почин, — горячо сказал директор, выходя из туалета в ослепительном черно-белом наряде. — Просто мы решили работать нормально.

— То есть? — не понял я.
— Нормально. Как положено. По-честному.
Я тоже бросился к дверям, оставив на столе деньги.

— Стойте! — крикнул мне вслед директор. — Ведь все это должно быть нормальным: и чистота, и скатерти, и верба, и широкий ассортимент... Это не почин! Честное слово, не почин!

Но я уже был на улице. Нет уж, дудки, лучше я пройду лишнюю остановку да посижу в привычной обстановке. Пусть они сами едят свои тосты в «нормальном» кафе. Посмотрим, сколько они продержатся. А то привыкнешь к ихним условиям, а они — бац и прикроют лавочку. Привыкай тогда снова к обыкновенному.

И я с облегчением нырнул в дымящуюся, как воронка, благоухающую кислым пивом забегаловку.

— Проходите еще двое.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

Рисунок В. ВЛАДОВА

КРОКОДИЛКИ

Рисунок Б. ВОРОБЬЕВА

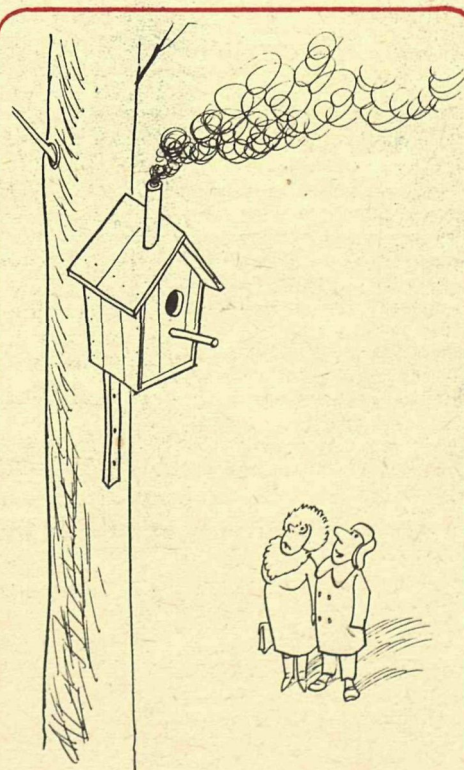

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

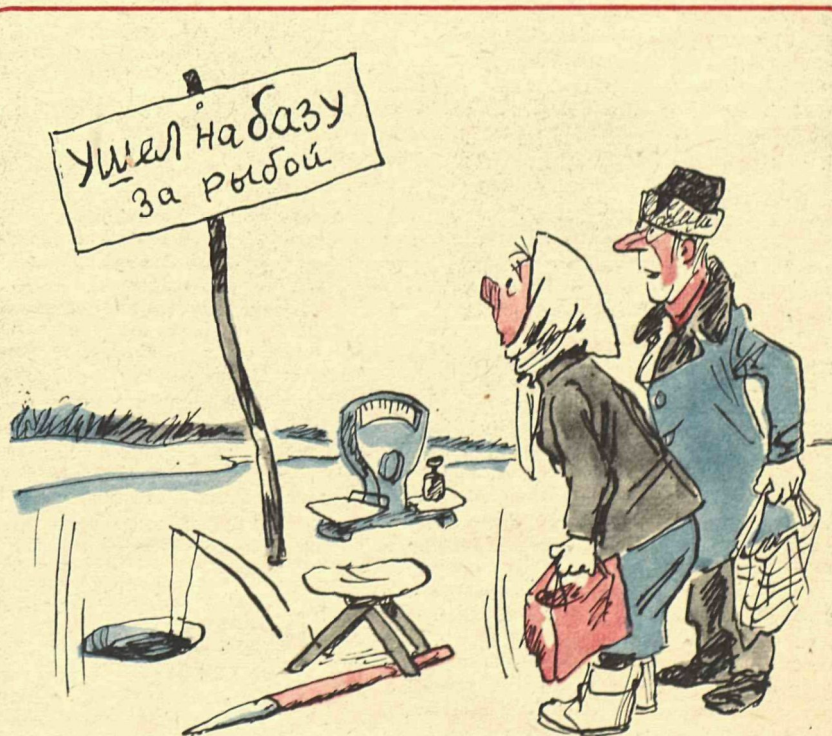

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ВЕЧНЫЙ ПОИСК

ОЗАРЕНИЕ

Вначале была как будто полная ясность в отношении сырья для завода, который непременно хотелось воздвигнуть в окрестностях Сыктывкара. А все началось с открытия возле деревушки Гарья богатейшего месторождения глины. На место открытия прибыл наш герой — Н. О. Белоцерковский. Он потискал в руке комочек глины и просил от удовольствия: шедевры бы ваять из такой глины!

Но Белоцерковский был начальником объединения «Комитяжстрой», и посему он молвил попетровски повелительно:

— Завод здесь будет заложен — для гравия из керамзита!

ЧУЖАЯ ГЛИНА

Утверждая проект завода, Белоцерковский не удосужился познакомиться со своей задумкой одного человека. И это оказалось роковой ошибкой. Впрочем, этот человек сам объявился и опрокинул все планы Наума Оскаровича...

Завод построили поблизости от месторождения глины. Пришло время извлечь сырье. К деревеньке Гарья прибыл экскаватор. И вот тут-то, словно из-под земли, возник мужчина, которого Белоцерковский забыл посвятить в свои планы.

— Ты чего тут хозяйничаешь — мамонта откапываешь? — спросил мужчина экскаваторщика.

— А тебя не спросили! — вызывающе отвечивал экскаваторщик. — Возьмите в сторону, дядя, сейчас буду глину вынать.

— А зря, между прочим, не спросили, — нахмурился мужчина и представился: — Директор совхоза «Пажгинский». Я хозяин этой земли.

К месту инцидента примчался Н. О. Белоцерковский.

— Поймите! — по привычке нервно ощупывая содержимое боковых карманов пиджака, говорил он. — Нашему заводу глина как хлеб нужна!

— А молоко и мясо вас не интересуют? — с крестьянским простодушием спросил директор совхоза. — На этой земле мы возделываем кормовые травы для крупного рогатого скота.

Участок поймы реки Гарья, где залежала глина, был основным сельскохозяйственным угодьем Гарьинского отделения совхоза. Кроме того, осушение земли и ежегодный уход за ней обошлись хозяйству не в один миллион рублей... Но, увы, солидные инстанции, которые отвели землю под строительство завода и разработку глины, об этом не знали.

Возникший земельный конфликт решился в пользу совхоза «Пажгинский», и Белоцерковскому пришлось ретироваться.

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Но завод-то уже готов. Ему спущен план выпуска керамзитового гравия. Укомплектован штат во главе с директором. И всем регулярно начисляется зарплата...

Начались поиски другого сырья. Но в окрестностях Сыктывкара повсюду, где ни копни, — одни пески, супеси и суглинки. Наконец, напали на глину километров в сорока от завода. Добывать ее разрешалось. Правда, керамзит из нее не получался...

Следующее месторождение нашли аж в ста километрах от завода. Ну, естественно, доставка сырья удорожала бы продукцию. Но из-за безвыходности пошли бы и на это. Была другая загвоздка. Вновь найденная глина требовала коренных изменений в технологии и оборудовании. Так что поиск продолжается. Ни много ни мало — более трех лет...

ИСКУССТВЕННЫЙ КАМЕНЬ

Впрочем, начальника объединения «Комитяжстрой» неудача с заводом керамзитового гравия

к тому времени уже мало волновала. Наум Оскарович, пребывавший в вечном поиске, был поглощен идеей создания цеха грунтосиликатного кирпича. К счастью, проблемы с сырьем для этого кирпича вообще не существовало. Сырьем для его изготовления служила обыкновенная земля.

Два опытных образца, сработанные из сыктывкарского суглинка лабораторным путем, превзошли все ожидания. «Грунты дают прочный, морозостойчивый кирпич красивых светлых тонов», отметили эксперты «Комитяжстроя». — Новый кирпич — это искусственный камень». Белоцерковский самолично испытал его прочность, ударив кувалдой по кирпичу. Образец выстоял.

— Срочно возводим новый цех! Будем выпускать твердокаменный кирпич! — распорядился начальник объединения, машинально ощупывая содержимое боковых карманов, хотя самое время было поинтересоваться карманами «Комитяжстроя».

В КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ТОРТА

— Кредиты исчерпаны, — предупредил главный бухгалтер. — Терпим громадные убытки от бездействующего завода керамзитового гравия.

Безденежье не сломило Белоцерковского. Положив опытный кирпич в коробку из-под торта «Сказка», он отправился в Коми республиканскую контору Стройбанка.

— Нам нужен кредит, — сказал Наум Оскарович управляющему конторой Г. В. Филатову и положил на стол элегантную коробку.

— Это что, взятка! — отшатнулся тот. — Знаете, что за это бывает?

— Это не трехрублевый торт, — усмехнулся начальник объединения, поправляя ленточку на коробке. — Тут таятся миллионное состояние, на которое можно построить многоэтажные дома и целые жилые кварталы.

Белоцерковский эффектным движением раскрыл коробку.

— Это кирпич будущего, — заверил Наум Оскарович управляющего. — На организацию производства я много не прошу — всего девять тысяч семь тысяч рублей. А возместить затраты обязуюсь через три года...

Новый цех был построен в кратчайшие сроки. Но из его стен так и не вышло ни одного годного кирпича. Когда шихту перемешивали лаборанты в специальных маленьких тиглях, то кирпич получался. Однако все заводские образцы ломались с легкостью хрустящих хлебцев.

Естественно, для выяснения причин этой неудачи была создана комиссия. Комиссия обнаружила, что «существующее в настоящее время оборудование не обеспечивает перемешивание данной шихты»...

ЭПИЛОГ

В настоящее время шаровая мельница и огромный смеситель валяются на заводском дворе. А в память о затее с грунтосиликатным кирпичом остались два лабораторных образца, красивых и прочных, как камень. А на заводе керамзитового гравия до сих пор продолжают искать сырье...

Очевидно, начальник объединения «Комитяжстрой» наглухо забыл, что, возводя очередной завод, неплохо бы иметь представление: можно ли на нем что-нибудь производить, а если можно, то по крайней мере — из чего?..

— Что бы еще построить эдакое? — по-прежнему томится в творческом простом Белоцерковский. И по привычке рассеянно ощупывает содержимое боковых карманов.

Впрочем, главное — это уговорить банк, а идея всегда найдется.

г. Сыктывкар.

— Пожалуйста, несколько фраз для передачи «В мире животных»

Юрий МАРТЫНОВ

Контрастные

Трофим Печкин и Семен Пенкин дружили с детства. Они вместе гоняли шайбу на твердом, как камень, снегу двора, вместе десять лет ходили в школу и вместе впервые в жизни сделались пьяными, посетив пивной бар...

Несколько позже оба они сдали экзамены в медицинский институт. Закончил его, но врачом служили без охоты. Печкин в институте увлекся театром, начал писать критические статьи, снискал известность и ушел на вольные хлеба. Пенкин не отстал от друга, стал сочинять тексты для песен и тоже ушел на вольные хлеба.

Критик и поэт по-прежнему оставались друзьями, пока Случаю не пришлось в голову отвернуться от их нерушимого союза.

В тот день Семен ворвался к Печкину с криком:

— Трофимыч! Тебе предстоит сыграть сегодня свою главную роль! Слушай меня, слушай! — возбужденно говорил он. — В половине восьмого в Театре эстрады заключительный отборочный концерт для телепрограммы «Мы танцуем и поем». Великолепная певица. Блестящие данные. Две моих песни. Авторитетная комиссия. Шариков припугнет. Ты вместо него. Обо всем договорено: все согласны и все в восторге! Ты же имя, авторитет! Поддержишь певицу и меня. Крайне важно, старик, лично для меня крайне важно!

Выслушав этот сумбур, Трофимыч из-за врожденного недопонимания легкого жанра тяжело вздохнул, но согласился.

Критик попросил поэта познакомить его с текстом песен, чтобы все было наверняка.

Пенкин с жаром прочел стихи.

— Первая песня, — внушал он Трофиму, расхаживая по комнате в бархатном пиджаке вишневого цвета, — вся на миноре. Уход в себя, осень, тоска, разлука и где-то в глубине — вера в любовь, такая сила характера. Идет осенний мотив: «Опять луна, но холодна, и я одна, одна...» Вторая песня построена на резком переходе к мажору, с танцем и ликованием: «Весна, весна, поет луна, цветет сирень под окнами...»

— А как выглядит твоя протеза? — поинтересовался Трофим.

В каждом удае гается кролик. Благодаря склерозу сколько изобретено велосипедов!

Юрий Рыбников.

Бил баклуши научно: с помощью ЭВМ.

Б. Рябикин.

Иные телефильмы следовало бы снабдить грифом: «Без права показа по телевидению».

Вал. Девятый.

Кому много дано, тому еще больше хочется.

С. Хазанов.

Каждая песчинка мечтает о собственной пустыне.

Строителям лабиринтов памятники надо ставить у входа.

В. Коняхин.

Обманчивая внешность редко бывает некрасивой.

Кирилл Кюдов.

— Сиди, сиди, сынок. Доживешь до моих лет — еще настоишься!

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ.

Рассказ

ПЕСЕНКИ

— Говорят тебе, великолепно! Запоминай: невероятно длинные ноги. Полупрозрачная туника. Голова — маленькая! Маленькие уши. Стрижка «гарсон». Знаешь, что это такое? Под мальчика.

— Ну, такие тонкости не по мне, — проворчал Трофим. — Блондинка она или брюнетка?

— Брюнетка. Со смоляным отливом.

— Важная деталь. Память на фамилии у меня слабовата, потому не спрашиваю. В целом, — солидно заключил критик, — проблемы быть не должно.

В Театре эстрады Семен торопливо представил Печкина полдюжине людей, усадил рядом с ними и пропал...

Печкин, человек основательный, решил услужить другу по первому разряду. Вытащил блокнот, авторучку и приготовился набросать выступление в защиту певички с длинными ногами и маленькими ушами.

Против ожидания концерт оказался довольно сносным. Ведущая кокетничала в меру, оркестр играл вполне профессионально, солисты неплохо двигались и пели, не фальшивя. Они ловко управлялись со шнурами микрофонов, это впечатляло.

Протеже приятеля Трофим узнал сразу. Туника сверкала. Фигура стройная. Уши аккуратные. Волосы плотно облегли хорошенькую головку. Девушка запела, и для сомнений места не осталось. Минор, осень, прощание с любимым. С подлинным драматизмом она передала настроение разлуки, протягивая к первым рядам партера обнаженные руки. Печкин, не надеясь на память, записал имя певички и слова припева: «Но знаю я, но знаю я: уходишь ты, любовь моя!»

Второй номер, как и обещал Семен, получился лихо. Припев с бодрящим «Ла-ла-ла-ла!» шел под ритмичный танец певички и хлопки публики. «Так было, так будет, любовь не убудет! Ла-ла-ла-ла! Ла-ла!»

Последующие выступления Печкин не слушал; поднявшись, тихонько вышел в коридор покурить.

После концерта члены отборочной комиссии прошли в маленький банкетный зал с мягкими креслами и бутылками «Боржоми». Председатель открыл обсуждение. Выступавшие называли имя и произносили хвалебные слова. Когда дошла очередь до Печкина, он с чувством обрисовал вокально-артистические достоинства Лили Лапкиной, напомнив также об ее исключительных внешних данных. Не забыл Трофим подчеркнуть свежий, проникновенно-лиричный текст песен. «Вторая песня с ее жизнеутверждающим началом и зажигательным «Ла-ла-ла-ла!» — сказал в конце выступления Печкин, — будет встречена с энтузиазмом многомиллионным телезрителем!»

Коллеги с явным удовольствием выслушали Трофима Печкина. Один из заседателей даже позволил себе подхватить процитированное «Ла-ла-ла-ла!». Улыбнулся и председатель.

После речи Трофима имя Лили Лапкиной упоминалось все чаще, а когда председатель предложил подвести итог обсуждения, стало ясно: она и только она достойна участвовать в телепрограмме «Мы танцуем и поем».

Председатель поднялся, чтобы объявить решение, за ним двинулась комиссия. В фойе толпилась куча народа. Печкин увидел Семена, а рядом с ним высокую брюнетку. «Вблизи тоже недурна», — успел подумать Печкин, одобряюще подмигивая другу. И тут что-то произошло. Председатель назвал победительницу, и все ринулось куда-то в угол, в сторону от Печкина и его певички. Трофим в полном недоумении направился к Семену. Но тот бросил на друга презрительный взгляд и повел плачущую даму прочь.

Вот так рушатся твердые многолетней дружбы! Что же, позвольте спросить, в таком случае вечно под луной — то холодной, то поющей, как утверждает поэт Семен Пенкин?

По дороге домой Трофим Печкин с профессиональной привычкой к анализу разобрался в событиях вечера и сообразил, что сыграл не в те ворота, но почему — не понимал. И оттого, вероятно, злился и на Семена и на себя.

Дома он поужинал, почитал на сон грядущий и улегся в постель, приготовленную супругой в кабинете. Печкин засыпал, когда раздался звонок в дверь. Явился Семен. Друга прошли в кабинет. Семен скинул полушубок и плюхнулся на диван.

— Объяснись же, вероломный друг! — театральным шепотом потребовал он от Печкина.

Расскажи, как подыграл этой бездарии. Одна фамилия что стоит — Лапкина!!!

— Лилия Лапкина, — хладнокровно парировал Трофим, одергивая пижаму, — очень милая девушка, с темпераментом. Разве не она твоя протеже?

— Он еще спрашивает! — возмутился Семен. — Не валяй дурака!

— Разберемся спокойно, — предложил Трофим. — Я работал честно. Кстати, твою-то как звать?

— Неля Пичужкина! — простонал Семен, хватаясь за голову.

— Неля. Лилия. Очень похоже. Пойдем далее. Брюнетка под мальчика. Так ты говорил? Лилечка и есть весьма привлекательная брюнетка. И туника у нее что надо. Пойдем далее. В программе две песенки, построенные на контрасте?

— Вот именно!

— Лилечка их и спела. Первый номер в миноре. Осень, разлука и тому подобное. Разве не совпадает?

— Ну, осень, разлука... По настроению совпадает. Но текст-то был не мой, а Зюзины, который вообще ни на что не способен!

— Не вижу разницы в текстах. Как это у Зюзины? «Но знаю я, но знаю я: уходишь ты, любовь моя!». Может, у тебя что-нибудь посвежее? «Опять луна, но я одна...» Просто находка!

Пенкин скрипнул зубами.

— Перейдем к шедеврному номеру два, — продолжал Печкин. — Тема весны и счастья. Как там у тебя? «Так было, так будет, любовь не убудет. Ла-ла-ла-ла!»

— Любовь не убудет! — вскинулся Пенкин. — Да это же опять Зюзин! Не я ли вбил в твою дурацкую башку еще до концерта: не ла-ла-ла, а ра-ра-ра-ра! А потом у меня: «Пришла любви пора. Любовь была и будет, пока родятся люди!»

— И по форме и по мысли — новое слово в поэзии!

— Ты смеешься, кретин!!

— Я спокоен, потому что я прав, — с достоинством сказал Трофим Печкин.

— А я взбешен, и ноги моей больше не будет в этом доме! — истерически взвизгнул Пенкин, нервнo натянул полушубок и выскочил из кабинета.

Печкин заморгал, пожал плечами. Хлопнула дверь, кончилась дружба. Трофим ужасно расстроился и спокойно лег спать.

Заявка на сатисфакцию

Рассказ

с хулиганом Гришкой и тычками левой руки наношу ему два коротких удара в лоб и в нос. На его попытку достать меня апперкотом в челюсть я изящно уклоняюсь и начинаю красиво финтовать, делая ложные выпады и заставляя таким путем противника уйти в глухую защиту.

Удар гонга, возвещающий об окончании первого раунда, застаёт меня в атаке, где наглядно проявляются присущие мне мужество и элегантность, изящество и прекрасное чувство дистанции.

В ожидании ответных ходов противника

остаюсь А. Сюсюкин.

В Управление бокса Спорткомитета.

КОПИЯ: гр-ну Сидякину Г. В.

Прошу судейскую коллегию призвать к порядку распоясавшегося хулигана Сидякина Г. В.

Во-первых, он до сих пор трусливо не ответил на мой мужественный вызов его на яростный боксерский поединок (по переписке).

Во-вторых, он вчера снова поймал меня на улице и, зажав мой нос между пальцами своей правой руки, стал оскорбительно вертеть им (носом) слева направо и даже, больше того, сверху вниз!

Я, как обычно, с присущим мне достоинством и на большой скорости скрылся в своей квартире на третьем этаже, откуда и посылаю свои последующие ходы в нашем бескомпромиссном и яростном поединке по переписке.

Второй раунд я начинаю вихревой атакой, в процессе которой провожу серию сокрушительных ударов по корпусу и в челюсть противника, в результате чего он оказывается в состоянии грогги (как бы сильного опьянения).

Достоверность этого факта может подтвердить мой секундант — мама. Затем я посылаю Сидякина Г. В. в нокдаун мощным крюком справа. На этом месте наш рефери (если только он квалифицированный судья) безусловно должен прекратить наш боксерский поединок по переписке ввиду явного моего преимущества. Это мнение не только мое, но и моего секунданта.

В ожидании письменных поздравлений с победой

остаюсь А. Сюсюкин.

Постскриптум:

В связи с тем, что хулиган Сидякин Г. В., проигравший мне бой по переписке, по-прежнему не дает мне прохода и оскорбляет словами и действием, прошу оказать мне содействие в обмене жилплощади на другой, отдаленный район.

В Управление бокса Спорткомитета.
КОПИЯ: Гражданину Сидякину Г. В., проживающему по Тополиной улице, дом № 3.

Прошу Спорткомитет удовлетворить мое требование на получение сатисфакции от гр-на Сидякина Г. В. Поводом к этой заявке явились обстоятельства, о которых сообщаю ниже...

Вчера вечером, возвращаясь домой после занятий в секции бокса добровольного общества, я подвергся оскорблению со стороны Гришки Сидякина, проживающего в одном доме со мной.

Дело было так. Увидев меня, Гришка вышел из-под арки, где он обычно проводит время, и со словами «боксер недокашанный» оскорбил меня действием, надвинув мне на лицо мою кепку с такой силой, что ее пришлось пороть по шву, так как иначе она не снималась — мешали нос и уши.

Будучи человеком интеллигентным, я не унился до пререканий с Гришкой, а вместо этого с достоинством и на большой скорости скрылся в своей квартире на третьем этаже. Однако, считая себя оскорбленным, а мое мужское достоинство униженным, я официально вызываю гр-на Сидякина Г. В. на честный и бескомпромиссный боксерский поединок. При этом, учитывая разницу в нашем весе (я вешу восемьдесят шесть килограммов, а Гришка — пятьдесят четыре), я предлагаю вести этот яростный поединок не на ринге, где я буду иметь бесспорное преимущество, а по переписке, как это делает мой знакомый шахматист-разрядник.

В связи с этим прошу Управление бокса Спорткомитета выделить квалифицированного рефери для определения победителя. Сообщаю, что в процессе боя мне в качестве секунданта будет ассистировать моя мама.

Итак, посоветовавшись с мамой, посылаю противнику свои первичные действия. Находясь в левосторонней стойке, я сближаюсь

(Ценник в магазине)
Прислал В. Токарев,
г. Фрунзе.

(Ценник конфет)
Прислал Е. Сухоносенко,
Николаевская область.

«Детскому саду на постоянную работу с окладом 80 руб. требуется няня. Возьмем и ребенка».

(Объявление)

Прислал Н. Никоненко,
г. Мытищи.

«Товарищи! Кто нашел общую тетрадь с записями по методике борьбы в телефонной будке, около метро «Бабушкино», прошу сообщить по телефону».

(Объявление)

Прислал С. Пицын,
г. Москва.

«Товарищи новоселы! Убедительно просим не угощать работников домоуправления!»

Администрация ЖКК
Прислал А. Терехов,
Московская область.

«В связи с упадком сил и переутомления от работ лошади по кличке «Лентяй» командировать возчика Лубенец в колхоз».

(Из распоряжения)

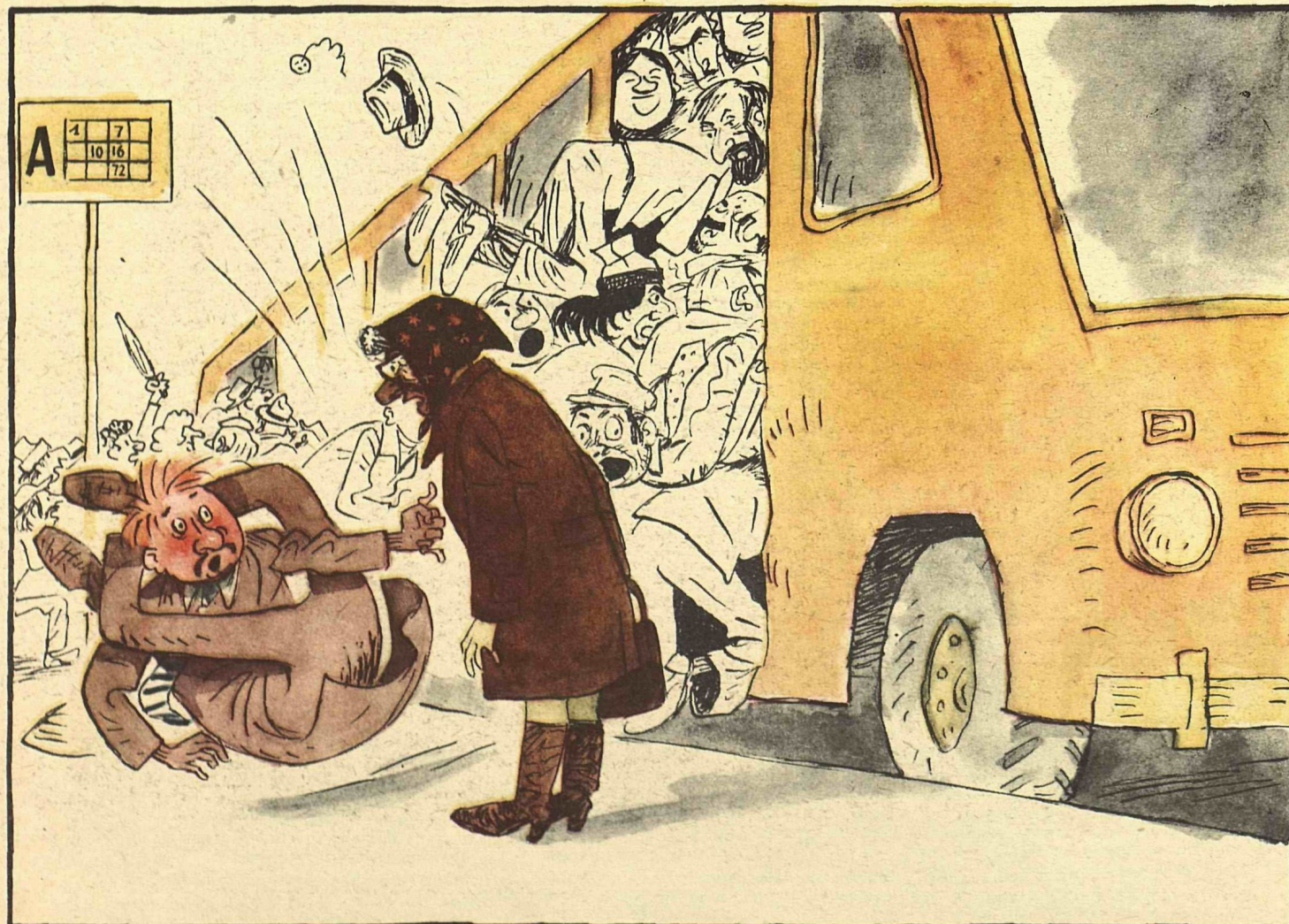
Прислала О. Анопьян,
г. Ворошиловград.

«Приобрели 30 пламенных телок».
Газета «Дагестанская правда».

«Картофельное пюре из яблок».

(Из меню)

Прислала Г. Аксенова,
г. Тула.

— Да не йог я, бабуся, так меня из автобуса вынесло.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

Девочке Маше всего шесть лет. А дядя Саша уже вполне взрослый председатель колхоза. Что касается гречневой каши, то в описываемой ситуации она напроочь отсутствовала. Правда, о ней говорили...

— Дядя Саша, ваш Витка вчера в саду сказал, что ел какую-то смешную кашу. Гречневая называется. Он сказал, что это очень вкусно, и я тоже захотела попробовать.— Девочка Маша доверчиво посмотрела на дядю Сашу.— Это правда, что такую кашу делают в городе на заводе? А как ее оттуда достать? А почему ее у нас нет?..

Разговор происходил в большом красивом селе, где почти на каждую душу населения приходится телевизор или транзисторный приемник, холодильник или газовая плита. Многого было в этом селе. А вот гречневой каши не было.

И все же дядя Саша попытался пролить свет на проблему.

— Должен тебе сказать, девочка Маша,— начал дядя Саша,— для того, чтобы была гречневая каша, нужно, чтобы раньше на поле выросла гречиха. А она культура прихотливая и непрестижная...

— Непре... какая? — удивилась девочка Маша.

— Непрестижная. Как тебе это объяснить... Медалей за нее не дают, на Доску почета не вешают, на активках не хвалят. И ко всему невыгодная она, неустойчивая...

— А почему? — не унималась девочка Маша.

— А потому, что урожайность, так сказать, у нее не стабильная. Ну даст пять-шесть центнеров с гектара, а в целом по хозяйству снижение урожайности получается. Ведь что пшеница, что кукуруза, что гречка — все зерном считается. Пшеница дает много зерна, а гречка — мало. А в среднем получается снижение урожайности. А за это не хвалят и даже наоборот... Или возьмем закупочные цены на гречку, о которых ты, конечно, и понятия не имеешь. Они какие? Низкие... И ничегошеньки путного под нее не дают...

— А как это под нее можно давать?

— Под нее можно давать, например, комбикорм. Я сдам тонну гречки, а мне под нее только центнер

комбикорма. Усекла, милая? Вот давали бы под гречку грузовые машины, знаешь, какой стимул был бы, сколько бы ее сразу стало!

— Знаю! — сказала девочка Маша.— Вы бы сели на машину, поехали в соседний колхоз и привезли бы много гречки!

— Вот тут ты совсем не права, девочка Маша. Соседи тоже гречку не выращивают. Я тебе больше скажу. На всей Украине сейчас гречки засевают значительно меньше, чем десять лет назад...

— Дядя Саша, а может, она тогда совсем не нужна, эта гречневая каша? Может, лучше манную кашу кушать?

— Что ты, девочка?! Она очень полезная! Для таких, как ты, и еще меньших. И больших тоже. Во-первых, полнейшая усвояемость, во-вторых, сбалансированность по аминокислотам, в-третьих, в ней очень много микроэлементов, в-четвертых...

— А я не хочу микроэлементов! И кислото я не люблю... Я просто хотела попробовать гречневую кашу, про которую ваш Витка рассказывал... А раз вы не даете, я папу попрошу, он тоже в город поедет и привезет...

— Ух, какая ты шустрая! Да в городе ее тоже нелегко достать. И во всей области. Ну-ну, ты чего губки надула? Не надо плакать! Вот в Госплане и министерстве сельского хозяйства подумают, подумают и напишут бумагу про гречку. Заинтересуют колхозы, чтобы им было не в ущерб себе гречку выращивать, а на пользу. И будет тогда этой каши гречневой, и муки гречневой, и лепешек — ешь — не хоч!

— Нет, я хочу! Обязательно хочу гречневую кашу! — сказала девочка Маша и с надеждой улыбнулась дяде Саше.

Одесская область.

Три светлых дня

Ах, каким был красивым и нарядным город Хойники Гомельской области во время республиканского семинара работников торговли потребкооперации! Прилавки и витрины местного универмага, а также магазинов райпотребсоюза трещали под горами наваленного на них дефицита. Товар был разложен застегивающимися узорами, а продавщицы в свежестриженных накрахмаленных платьях, пели и расставляли по магазину цветы. Однако песню портило некое жалобное царапанье в дверь. Это скреблись непонятливые хойниковские покупатели, которые очень хотели, чтоб их пустили в магазин.

— Пшли, пшли,— чуть приоткрыв дверь, фыркали на них продавщицы.— Вас ведь только пусти — вмиг весь товар раскупите, настроение испортите. А мы, между прочим, еще должны всю эту красоту показать участникам семинара. Закрыт магазин! Все приготовлено только для них!

И продавщицы гулко хлопали дверью, едва не прищемив нос съездившейся очереди.

Но зато как весело было в городе Хойники по вечерам! Из окон местного ресторана несло привольное уханье джаза, ярко горели окна, лилось рекой шампанское. В ресторане до упаду веселились участники семинара.

— За культурное обслуживание широкого покупателя! — несло из зала.— За чуткость и внимание работников прилавка!

Стоя под окнами, широкий хойниковский покупатель и потребитель уныло слушал выкрики. Ему тоже очень хотелось присоединиться к веселым и чутким работникам прилавка, но, увы, в ресторан его не пускал огромный амбарный замок и табличка «Спецобслуживание», красующиеся на дверях.

Еще веселее было на самом семинаре, где работники потребкооперации в течение целых трех дней усиленно обсуждали важный вопрос о чутком, внимательном и культурном обслуживании посетителей.

Но когда же наконец семинар разехался и широкий покупатель был допущен до магазинов и ресторана, оказалось, что прилавки вновь опустели, джаз-оркестр бесследно исчез, а вместе с ними пропали и белоснежные салфетки, ароматное мыло, улыбки торговых работников.

— Ах,— кружа вокруг торговых точек, мечтают хойниковцы,— когда же в нашем городе вновь соберется семинар работников прилавка потребкооперации? Опять бы полюбовались на культурное обслуживание. Хотя бы через окно...

И. СЕРГЕЕВА.

Рассказ

ЛИРИКИ И ФИЗИКИ

С. КОНДРАТЬЕВ

— Эх, Петров,— разочарованно покачал головой председатель государственной комиссии.— За то время, которым вы располагали, не только дипломную работу — диссертацию написать можно было. Нет, вы только полюбуйтесь, что вы тут поначертили,— и председатель кивнул на висевший чертеж.— Что, по-вашему, изображает вот эта фигура?

— Доменную печь,— с готовностью объяснил Петров.

— Да? А мне кажется, что это больше похоже на самовар.

— Вообще-то, скорей на арфу,— признался будущий инженер.— Я, знаете ли, когда чертил, представлял симфонический оркестр. Поэтому и все основные детали я изобразил в виде музыкальных инструментов. Вот тот контрабас, например, означает кран...

— Ну что же нам с вами делать, Петров? — прервал воцарившееся молчание председатель.— Как прикажете оценить этот ваш проект сталелитейного... простите, контрабасолитейного цеха? И чем вы вообще пять лет в институте занимались?

— В самостоятельности участвовал,— сообщил Петров.— Я, понимаете ли, с детства музыкой увлекаюсь. Можно сказать, с пеленок. Да вот родители настояли — пришлось в ваш институт поступить.

— Ну и дела,— отрешенно протянул входящий в состав комиссии главный инженер одного из крупных сталелитейных заводов.— С какими же кадрами мы, интересно, работать будем? А я-то рассчитывал получить из этого выпуска толкового специалиста для нашего предприятия...

Главный инженер еще не знал, что в этот же самый день безуспешно пытается зачитать свою дипломную симфонию для бубна с оркестром выпускник консерватории Сидоров, с детства грезивший сталелитейным производством.

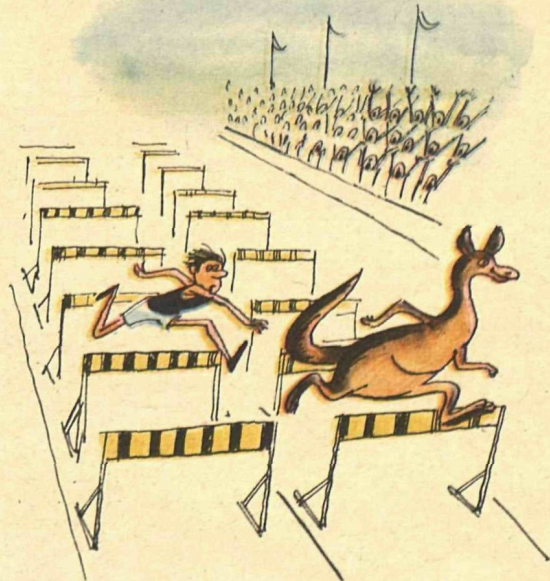
Ю. ЧЕРЕПАНОВ

ОЛИМПИЙСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

1956 г.

XVI Олимпиада

ОЛИМПИЙЦЕВ ПРИНИМАЛ
ЗЕЛЕНЬЙ КОНТИНЕНТ — АВСТРАЛИЯ

Мельбурнская олимпиада выявила фаворитов в барьерном беге.

«ЧТОБЫ БЕЗ ПРЕТЕНЗИЙ»
№ 4, 1980 г.

«Что толку от широты мира, если жмет башмак», — говорит пословица. Примерно так расуждала читательница М. Безуглая, когда пожаловалась на исчезновение пары босоножек, сданных ею в ремонт одной из мастерских объединения «Тагиллоблбувбыт». Дело было в апреле прошлого года, когда солнце заулыбалось, настроение было у клиентки самое радужное, и босоножками пользоваться бы ей в самый раз. Но еще долго пришлось ждать М. Безуглой, пока после долгих и настойчивых просьб злополучная обувь была ей возвращена. Произошло это, как сообщил нам самокритично директор объединения «Тагиллоблбувбыт» В. Кудренко, уже в феврале нынешнего года. Вместе с тем в его письме подчеркнут такой отрядный факт, что босоножки были доставлены на дом М. Безуглой с подбоящим напутствием: «Носите на здоровье в новом сезоне!»

В МИНИСТЕРСТВЕ ТОРГОВЛИ РСФСР

По поводу напечатанной в журнале «Крокодил» № 34 за 1979 год заметки «Теледита», в которой говорится об отсутствии в продаже в ряде районов Оренбургской области детских кроваток для новорожденных, сообщаем:

Росхозторг Министерства торговли РСФСР дал указание соответствующей базе о дополнительном размещении детских кроваток в счет основного плана производства мебели на 1980 год и обеспечении поставки их в торговую сеть области в необходимом количестве. Начальнику управления торговли Оренбургского облисполкома Ф. Шумскому предложено добиться от промышленности размещения, выпуска и поставки в торговую сеть области детских кроваток для новорожденных в соответствии с заказами торговых организаций.

А. ГОРБАЧЕВ,
заместитель министра
торговли РСФСР.

В свою очередь, тов. Ф. Шумский написал редакцию, что бюро Оренбургского обкома КПСС и исполком областного Совета народных депутатов в задании по производству товаров культурно-бытового и хозяйственного обихода на 1980 год обязали предприятия области освоить производство и поставить торговым организациям в 1980 году 8000 деревянных детских кроваток.

«ПРИВЕТЫ В ОДНУ СТОРОНУ»
№ 6, 1980 г.

Учительница Р. Труфанова, переехавшая с грудным ребенком в Донецкую область из Курской, где она работала, долго не могла устроиться на новом месте, так как ей не выслала трудовую книжку администрация Касторенского рона. На неоднократные ее просьбы прислать необходимые документы следовало глухое молчание. Об этом прискорбном факте — среди прочих подобных — говорилось в фельетоне А. Суконцева «Приветы в одну сторону».

Как написал в «Крокодил» заведующий Касторенским рон Д. Лентюгов, фельетон был обсужден на собрании сотрудников отдела народного образования. Как выяснилось, бюрокра-

тизм и равнодушие к уехавшей коллеге проявила работница рона Л. Будкова, за что на нее наложено дисциплинарное взыскание.

Наказание, видимо, достойное, и урок, говоря педагогическим языком, пойдет всем сотрудникам рона впрок. Но жаль, что в своем ответе в редакцию тов. Д. Лентюгов не упоминает, какой урок он извлек лично для себя: ведь он сам трижды не отвечал в свое время на слезные письма Р. Труфановой.

ОТПУСК БЕЗ ОДЫХА

В красивом месте расположен дом отдыха «Анжерский». Только отдохнуть там несладко. Грязные и убогие жилые помещения, не хватает постельного белья, в столовой качество блюд и обслуживание одно другого хуже. Таково было содержание письма, присланного в редакцию группой отдыхающих.

Центральный Совет по управлению курортами профсоюзов сообщил редакции что результаты проверки обсуждены на коллегии Кемеровского областного совета по управлению курортами профсоюзов. Главному врачу объединения дома отдыха и санатория «Анжерский» А. Ганину, заведующей столовой В. Дудиной объявлены выговоры. Повар Л. Котова и официантка Е. Пестова уволены. Приведены в порядок спальные помещения.

Авторам письма Центральный Совет принес свои извинения за недостатки в обслуживании их в доме отдыха.

«ВТОРАЯ ПРОФЕССИЯ»

Житель г. Сургута А. И. Старков написал в редакцию, что СУ-22 «вдохновило» новоселов на освоение второй профессии — строителя. Въехали жильцы в новый дом по ул. Дзержинского, 6, и... ахнули. Деревянные коробки качаются, электрические розетки выпадают — в общем, масса всяких недоделок. Пришлось приниматься за ремонт новых квартир. А где приобрести стройматериалы? Да у тех же строителей-браконьеров.

Письмо было направлено редакцией в Тюменский областной комитет народного контроля. Председатель комитета В. Д. Угак сообщил, что факты подтвердились. За неудовлетворительную работу освобождены от занимаемых должностей директор завода железобетонных изделий, директор завода строительных материалов и главный инженер строительного управления № 22 Сургутского домостроительного комбината.

Приняты меры по усилению контроля за качеством выпускаемых изделий на заводах домостроительного комбината, а также за качеством строительного-монтажных работ.

Литературная учеба

СТИЛЬ — ЭТО АВТОР

Иногда «Крокодил» приходится читать со словарем. Взять, к примеру, фельетон Дм. Иванова и В. Трифонова «Старинная история» (№ 23). В нем и «остроракурсные куски», и «рекламный буклет», и «тектонические сдвиги», и «карстовые явления», и «закон энтропии», и «купатный чад», и «дизайнер».

Нельзя ли писать попроще? **Н. ПАРФИРОВ,** г. Соль-Илецк.

Авторам разъяснено, что писать сложно не штука, труднее писать проще, и дано указание не бояться трудностей. Авторы согласились, но в то же время порекомендовали всем расширять свой кругозор.

Корнелия Отгис
ШИННЕР (США)

Как трудно сидеть на сцене

Для писательницы, хотя бы умеренно известной, иногда наступает время, когда ей приходится неподвижно сидеть во время какого-нибудь собрания на сцене в течение нескольких часов, так сказать, лицом к лицу с большой аудиторией.

Ее могут выбрать в президиум, или пригласить членом жюри, или во время концерта известного эстрадного певца пристроить по знакомству на краешке стула прямо за его спиной.

В первую минуту у вас возникает неприятное чувство, что все глаза нацелены прямо на вас. Однако, как правило, они никуда не устремлены. Некоторые читают программу, другие изучают потолок, а иные устали на стул перед собой.

Вы решаете внимательно слушать оратора. Это очень трудно. Когда вы смотрите человеку в затылок, то независимо от своей воли погружаетесь в раздумья о том, что происходит у него с передней стороны. Вместо того чтобы воспринимать идеи о новых методах в педагогике, вы соображаете, какая в процентном отношении часть воротника оратора покрыта жирной складкой шеи или откуда взялась белая нитка, болтающаяся под его пиджаком.

Чтобы отвлечься, вы опять начинаете изучать аудиторию. Без всякой причины вы вдруг выбираете чье-то лицо и пристально разглядываете его, не мигая. Владелец лица начинает ерзать, поправлять галстук и всеми способами выражать мучительное недоумение.

С приступом угрызения совести вы быстро отводите взгляд в сторону, но потом ловите себя на том, что опять устали на этого несчастного.

Вы мысленно встряхиваетесь и с предельным вниманием опять смотрите на оратора... Ваше лицо повернулось в направлении его спины. Он, может быть, сейчас отпустил остроумную, которую вы не слышали, но которая, судя по судным смешкам, была довольно средней. На всякий случай вы киваете с одобрением.

Когда я была девочкой, меня учили, что неприлично сидеть, скрестив ноги даже под столом. Но попробуйте просидеть больше часа, ни разу не скрестив ноги! Усилия, с которыми вы будете сжимать колени, в конце концов приведут к дрожанию в ногах, и ваш сосед по президиуму может воспринять это как необычное волнение или как начало припадка. В конечном счете вы плюнете на приличия и положите ногу на ногу. Но скоро какие-то мускулы начинают таинственно дергаться, и создается впечатление, что вы нарочно трясете коленями.

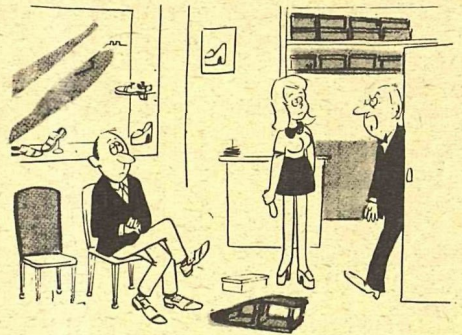
К числу других неприятностей относятся повторяющиеся атаки неожиданных и idiotских импульсов. Все начинается с безобидных вещей, например, в голову приходят мысли: что будет, если вы сбросите туфли, или высунете язык, или вдруг встанете и поцелуете оратора. Такие шуточные предположения будут смешить вас, пока вы не поймете, что вы действительно можете в любую секунду выйти из-под самоконтроля и совершить все это.

Время проходит. Вы продолжаете предаваться рассеянным мыслям, кивать головой и улыбаться неизвестно кому с легким одобрением.

У вас начинает чесаться бок, вы не знаете, что делать. Потом звучат слова: «...и наконец...». Это сладкая музыка, и оставшиеся две минуты вы вникаете во все, что говорится. Вы аплодируете вместе со всеми с чувством громадного облегчения.

Затем вы встаете, и, если не считать боли в онемевших суставах, ваши мучения окончены.

Перевела Ф. ПОДБЕРЕЗСКАЯ

— В чем дело, почему вы не можете обслужить обычного покупателя?

«Дейли мэрроу», Англия.

— Я знал что эта идилия долго не продлится.

«Сатердей ивнинг пост», США.

№ 13 (2311)

М а й

Главный редактор **Е. П. ДУБРОВИН**

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [зам. главного редактора], **А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, А. П. КРЫЛОВ** [художественный редактор], **Г. О. МАРЧИК, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ** [ответственный секретарь].

Инспектор полиции задержал на улице молодого человека. Приведя его в участок, он стал его допрашивать:

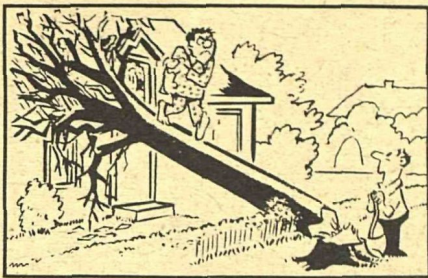
— Что вы делали в ночь с 3 на 4 сентября?

— Неужели вы не помните, господин инспектор! Я был здесь и рассказывал вам, что я делал в ночь с 28 на 29 июля!

Священник чинит табуретку в своем саду. Внезапно он обнаруживает, что за его действиями исподтишка наблюдает компания окрестных мальчишек.

— Вы что, дети мои, хотите научиться забивать гвозди! — спрашивает священник.

— Нет, — отвечает один из мальчишек, — мы хотим услышать, что говорит священник, когда попадает молотком себе по пальцу.

— Простите, если я случайно нарушил ваш сон.

«Пари-матч», Франция.

Людвик ГУРСКИЙ (Польша)

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЗБЫШЕКА

Я хочу попросить прощения. И поэтому купил цветы. Эти цветы я купил для себя, потому что хочу помириться с собой. Я с ним, то есть с собой, в ссоре. Но как их вручить? Может быть, через кого-то? Нет, пожалуй, лучше самому.

Я подам их, улыбнусь и скажу:

— Збышек, я принес тебе цветы. Я хочу, чтоб между нами восстановился мир.

Я уже давно поссорился с собой. Слово за слово, случается, разговор доходит до ругани. А иногда я целыми днями не разговариваю сам с собой.

Я уже не раз пробовал мириться с собой: убеждал, увещевал, уговаривал как человека. Увы...

Вот хотя бы вчера. Стою перед зеркалом, смотрю ему, то есть себе, прямо в глаза и говорю:

— Збышек, дорогой, что ты, собственно, хочешь? Что ты меня мучаешь? Положение в обществе у тебя вполне приличное, жена не из худших, дети растут, что тебе еще нужно?

Говорю я это спокойно, доброжелательно, а из зеркала смотрит на меня злой человек. Полный ненависти и презрения.

— За что? — спрашиваю я. — За что? Что я тебе плохого сделал?

Он притворяется, что не знает, но мне-то хорошо известно, что видите ли, я оброс жирком и стал обывателем, самодовольным, как сытый кот...

Хватит! Нужно перестать ругаться и помириться. Для этого я и купил цветы. Может, положить их на стол или даже поставить в вазочку? Нет, лучше их вручить лично.

Ничего у меня не получается. Уж

больно затянулась ссора. Как найти общий язык с собой? Стою как дурак перед зеркалом, дружелюбно улыбаюсь себе.

— Я ведь тебе слова злого не сказал, — говорю я. — Сказал только, что я приспособленец. Кому я еще это скажу? Директору скажу? На собрании скажу, что только и думаю, как бы лучше устроиться в жизни? А разве я один такой? Не один. Значит, и нечего есть себя поедом.

Вот так я все себе прекрасно объяснил, и мне показалось, что уже пришел в полное согласие с собой, но тут я внимательно посмотрел на себя и заметил в глазах что-то подозрительное.

— Э, братец, — говорю я, — что-то ты замышляешь.

— Честное слово, — отвечаю я, — ничего я не замышляю. — Но глаза мои бегают и руки потеют. И вдруг из меня вырывается:

— Лжешь, Збышек!

Скандал длился два часа. Я даже начал грозить себе: еще немного, и дам себе в зубы.

Заснул я разбитый. На два вражеских лагеря. В одном — мои идеалы, в другом — действительность.

Проснулся с одним сильным желанием: помириться. Купил себе цветы, розовый конверт. На конверте написал: «Извини, Збышек, я больше не буду». И теперь все это вручу себе.

И, наверное, приму. Для мира и согласия.

Посмотрим, какие цветы. Тюльпаны... Прекрасно, я знаю, что я люблю. А в конверте что? Деньги...

Боже правый! Я сам себя подкупил!

Перевел Л. ЛАЙНЕР

РАЗНЫХ

ШИРОТ

В темном переулке встретились двое мужчин. Один выхватил нож и крикнул:

— Деньги!

Другой вытащил из кармана пистолет и спросил:

— Для чего!

— Я хотел разменять пятьдесят долларов...

— Дедушка не очень рассердился, когда его проверяли на таможне!

— Наоборот. Ведь при досмотре нашли его очки, которые пропали неделю назад!

— Сколько стоит прокат верховой лошади в час!

— Двадцать крон.

— А как вы определяете окончательное время: когда возвратится лошадь или приковыляю я!

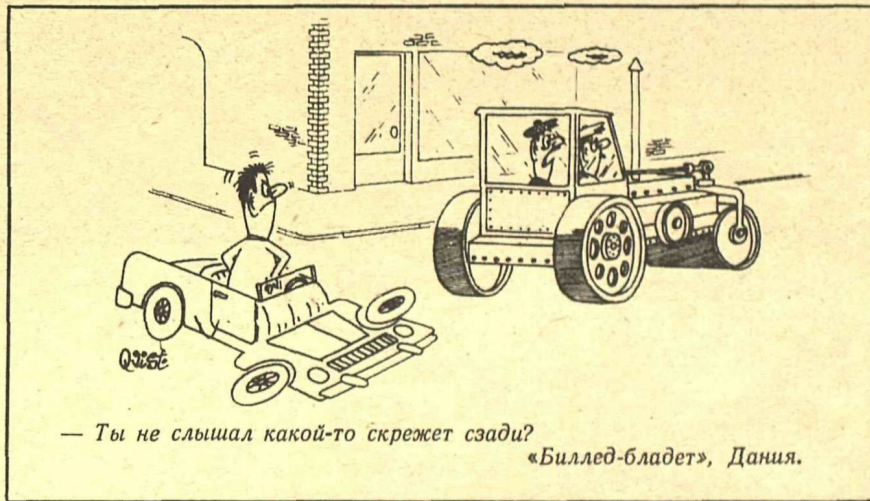
ЖЕНА. Франк, милый, врачи говорят, что я нуждаюсь в перемене климата.

МУЖ. Так и будет, дорогая. Синоптики обещали завтра резкое похолодание.

— Какое удивительное совпадение! Вы пишете книгу, и я как раз читаю сейчас книгу!

«Иа», Испания.

— Ты не слышал какой-то скрежет сзади?

«Биллед-бладет», Дания.

Слова, слова...

Если свет не мил, надо выключить лампочку.

Шутка греческих электриков.

Непоколебимость маятника — в готовности колебаться.

Поговорка итальянских часовщиков.

Грешен, как правило, не тот, кто согрешил, а тот, кто покался.

Постулат католических священников.

Обкрадывать самого себя — это преступление или наказание?

Из сборника «Проблемы криминалистики».

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

НАШ АДРЕС:

101455,
МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД,
д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешин, Ю. Андреев, Н. Белевцев, М. Вайсборд, В. Владов, Б. Воробьев, Р. Друкман, Е. Милутна, В. Мохов, И. Норинский, Ю. Степанов, Ю. Узбяков.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 7.04.80. Подписано к печати 15.04.80. А 06570. Формат бумаги 70×108¹/₂. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 810 000 экз. (1-й завод: 1—4 109 201). Изд. № 1046. Заказ № 2265.

© Издательство «Правда». «Крокодил», 1980 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

24285

13 0 АПР 1980

ПОДНЯТИЕ ФЛАГА

Рисунок А. КРЫЛОВА